

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Виталий ОСТАНИН

ГРАНИЧНИК ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ

Это мир, в который пришли Темные Слуги.

Виталий Сергеевич Останин

Граничник

Серия «После Судного дня», книга 1

Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65425592

Граничник После Судного дня:

ISBN 978-5-17-137826-4

Аннотация

Мир, в котором не было Третьей мировой войны, который не погубили вирусы, в котором люди полетели в космос, освоили Солнечную систему и даже приблизились к созданию гипердвигателя. А потом в этот мир пришло то, что прогрессивное человечество всегда считало мифом. Мир после Темных веков. Мир, в котором хозяйничают Темные Слуги. Мир, в котором люди нашли опору в том, во что уже давно разучились верить.

Содержание

1	5
2	20
3	33
4	47
5	59
6	72
7	79
8	91
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Виталий Останин

Граничник

После Судного дня

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 215

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

© Виталий Останин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

1

– Любое дело начинай с молитвы и ею заканчивай, – произнес я наставительно.

Стеф обозначил улыбку, оставаясь, как обычно, собранным и серьезным.

– Ты знаешь, как я молюсь, – отозвался он, прикладывая рельсотрон к плечу и наведя его толстый ствол в сторону готового появиться Разлома.

– Знаю. Но послушаю еще разок. К тому же боевой протокол Священной Ассамблеи никто не отменял.

– Зануда ты, Оли!

– Есть такое.

– Ну слушай... – Воин прикрыл глаза и необычайно проникновенно для такого бесчувственного сукина сына прошептал: – Когда, Господи, Тебе надо будет забрать меня из этой юдоли скорби, тогда и уйду к Тебе. Здесь у меня нет дел, кроме Тебя.

Я собрался было в очередной раз сообщить напарнику, что такая молитва больше подходит японским воинам прошлого, которые день начинали с утверждения «сегодня я умру», чем Стражу Христову, но он не дал мне этого сделать. Шикнул:

– Заткнись, Оли. Они вот-вот полезут.

Он невысок, мой Стефан Дуров. Худощавый мужчина

двадцати семи лет, с едва заметной рыжиной в светлых волосах. Глаза у него зеленые и выглядят почти всегда так, словно их обладатель, человек, только что проснулся. А еще он похож на мангуста – были такие зверьки в тропических районах Земли до Темных веков. Согласно архивам, они являлись прекрасными охотниками на змей. Мангуст мог бы стать гербом Граничной Стражи – ведь мы тоже охотимся на змей.

Такой тип сложения наиболее эффективен: подвижен, обладает хорошими рефлексами и выносливостью. А еще легче прочих переносит слияние, улучшение организма нанитами и установку дополнительного оборудования. Сейчас боевое крыло Ассамблеи подыскивает подобных рекрутов постоянно, а раньше больше нацеливалось на других: высоких, статных, которые бы одним своим видом демонстрировали силу Церкви и возрождающегося под ее крылом человечества.

Но, как выяснилось позже, полноценный граничник должен обладать иными качествами, нежели красота и внешние данные. Поговаривают, что в епархии Киева до сих пор предпочитают гренадеров, но используют их больше для функций представительских – на входе в храмы стоять, митрополита и епископов на выходы сопровождать. Борьбу же со Злом доверяют таким вот невзрачным воинам, как мой Стефан.

Тут мне пришлось прервать мыслительную активность, поскольку Разлом проявился-таки. Расцвел в нашем плане

красно-желтый зев цветка орхидеи, и в реальность полезли демоны. Сегодня пришли ящеры.

Стеф улыбнулся, но теперь совсем иначе. Искренне и опасно, даже не улыбнулся – оскалился по-волчьи. Чуть изменил положение винтовки и мягко потянул спуск.

Все необходимые расчеты, поправки на ветер и даже пристрелка были проведены заранее, так что воин не промахнулся. Долгая очередь из десяти освященных снарядов, разогнанных до скорости два с половиной километра в секунду, разорвала первых четырех чешуйчатых тварей на части, едва те выбрались из портала, и притормозила движение остальных, давая время для следующего этапа.

Всем хорош рельсотрон: высокая дальность прицельной стрельбы, страшный урон, практически полное игнорирование брони у противника. Одна с ним беда – это оружие одного залпа. Слишком много энергии требуется, чтобы разогнать вольфрамовые стержни до нужной скорости, да и боеприпаса не напасешься. Согласно архивам, до Темных веков человечество обладало неиссякаемыми источниками энергии. Каждый раз, когда Стеф выпускает по демонам годовой доход небольшого сельца, я об этом вспоминаю. И ничего не могу с этим поделать. Не зря, видимо, говорят, что бережливость стариков с годами превращается в жадность.

Страж отбросил бесполезную винтовку, вскочил на ноги и бросился вниз по склону холма к Разлому. Его тело, разогнанное до предела, могло двигаться со скоростью скачущей

во весь опор лошади. Недолго, импульс действовал около минуты, но в это время мой напарник был просто неуязвим.

Делать мне было нечего, тем более что микроскопические камеры для съемки последующего отчета я уже подвесил. Так что принялся наблюдать за его работой – мне всегда это нравилось, да и ностальгию вызывало. Сколько уже сам, в силе, не ходил на разломы, а так хоть как другие работают посмотришь – и легче становится.

Совершенный механизм очищения был прекрасен в своей смертоносности. Ни одного лишнего движения: за два шага до ближайшего демона Стеф потянул из-за спины квач, за шаг – коротко замахнулся им, а пробегая мимо – снес мерзкую, чешуйчатую, украшенную короткими рожками голову, которая не успела еще упасть на землю, как Страж обратным движением вспорол живот и грудную клетку второму ящеру.

Двадцать три секунды с начала боя. От выстрела до рукопашной. Шестеро демонов для такого времени – хороший результат. Обычно их в охотничьей партии не больше десятка, так что большую часть Стеф уже, считай, уничтожил. Мог, на мой вкус, почище действовать, последнего ящера не было никакой необходимости так зрелищно разделявать, хватило бы и экономного удара поперек груди.

Но пусть его! Хочет порезвиться – пожалуйста. Разлом слабенький, места безлюдные, а противники – низшие демоны. На таких даже было жаль тратить время Стража и дорогой боеприпас, хватило бы и граничников со стационар-

ного поста. Но устав есть устав. Если датчики зафиксировали прорыв реальности, значит, работает с ним ближайший Страж. И предпринимает все меры к уничтожению лезущих оттуда демонов и закрывает портал. А уже потом пишет доклад, что на стационарном посту мух не ловят.

Однако, если подумать – странный это Разлом. Общинники тут, конечно, живут, но поодаль. Зачем открывать портал в пригороде уничтоженной еще в начале Темных веков Перми, а не, скажем, в тридцати километрах южнее, где имеется селение на триста душ. Что тут делать охотникам? Не просто же так они в наш план пришли прогуляться?

Пока Стеф разил квачом и боевыми молитвами оставшихся демонов, я закопался в карты и архивы, пытаюсь найти ответ на этот вопрос. Никаких стратегических объектов не обнаружил: ни складов вооружения, ни автономных заводов, ни места Силы. Все как я и без обращения к глубинной памяти помнил: два сельца и стационарный пост граничников. Собственно, мы с этого поста сюда и пришли. Вчера туда заходили – проведать служивых и обновление архивов слить. В пригород Перми зашли только потому, что Стефу захотелось своими глазами посмотреть на место, откуда, по преданиям, его род вышел.

Ну, посмотрели. Я обнаружил колебания матери-ума, которые свидетельствовали о проводимом ритуале и скором появлении Разлома. Слабенького... Так что мы решили граничников с поста не звать.

За оставшиеся импульсу тридцать семь секунд, которые я провел в размышлениях, Страж перебил всех ящеров. Почему-то их оказалось больше обычного числа, но на конечный результат это никак не повлияло. Низшие скалили зубастые пасти, шипели, заливали землю своей гнилостной черно-зеленой кровью, но помешать воину не могли. Один только, из последних, оказался достаточно быстрым, чтобы дважды увернуться от разящего клинка. Но и то я подозревал, что Стеф с ним больше играл, чем сражался. Надо с напарником потом провести беседу о недопустимости подобного поведения. Он Меч Церкви Христовой, а не чемпион на арене античного Колизея.

Закончив бой, он замер на фоне Разлома, позволяя мне сделать несколько снимков для отчета Ассамблее. Деактивировал квац и сделал приглашающий жест, твоя, мол, очередь. Хотя, если по-честному, мне работы, считай, не осталось.

Но я ответственный. Мы, наставители, все такие. Так что я подождал дронов поближе и внимательно осмотрел застывшие потеки лавы, в которые превращались лепестки «орхидеи». Зафиксировал строение портала, его размер, расположение каждого элемента. Каталогизировал каждое тело и... вернул объективы дронов к portalу.

Лепестки уже отмирали – низшие делают очень недолговечные Разломы. Сперва цветок, после – лава, а под конец – осыпающийся пепел. У этого верхняя часть еще влажно пульсировала, не давая ткани мироздания сомкнуться, а

нижняя уже начала демонстрировать приметы распада. И по ту сторону находился кто-то еще. Я не умею чувствовать, да и датчики молчали, но тем не менее был уверен, что нечто смотрит прямо на моего Стража. Из-за грани.

Я успел подумать, что это кто-то из высших. Князь, может даже Владыка. Если так, плохи дела. Справиться-то должны, но...

Тут я обнаружил то, чего в портале низших быть не должно. Видимо, оттого, что пошел по пути сравнения его с прежними образцами.

Обычная «орхидея» низших – это цветок. Энергия, которая в нашем мире становится материей и принимает форму шести отростков: нижняя губа, служащая также сходными, два лепестка и три чашелистика. Никаких тычинок и пестиков, только обрамляющие разрыв пространства куски иномерной плоти. Цвета могут быть разными, варьируют от ярко-красного до бледно-розового, часто встречается смесь с желтым. Чем темнее и однотоннее лепестки, тем более высокую опасность представляют собой прорывающиеся в нашу реальность демоны.

Этот был красно-желтым. Где-то на середине спектра опасности для Разлома этого типа. А еще у него были тычинки. Три нити были столь тонкими, что даже мои датчики не сразу зафиксировали их. И одна из них стремительно растягивалась, пытаюсь добраться до Стефана. Точнее, уже добралась.

Когда я заметил аномалию, нить, тоньше паучьей, уже коснулась лица моего напарника, заставив его едва заметно вздрогнуть, а после – замереть.

Я начал действовать сразу же, едва обнаружил опасность. Никаких раздумий, хотя я и мог их осуществлять параллельно.

Активировал защитное поле.

Перехватил управление телом Стража.

Рванул его в сторону, заставляя «тычинку» растянуться и с оглушительным звоном лопнуть.

Поднял руку Стефа и высадил в зев портала последний плазменный заряд из наших запасов.

Откатился в сторону, избежав взрыва – правила безопасности запрещали использовать плазменный метатель на такой короткой дистанции, но сейчас было не до них.

Спину обожгло, а лепестки «орхидеи» тут же высохли и осыпались на землю черным пеплом. Взгляд из-за грани пропал, а портал схлопнулся в крошечную точку, которая вскоре распалась.

– Стеф? Стеф, ты как? – позвал я напарника.

Одновременно я запустил медбота, который тут же начал вводить в организм пострадавшего Стража лекарства. Краем сознания я контролировал состав препаратов, только один раз внеся поправку.

– Стеф! Я фиксирую мозговую активность, не надо придуриваться!

– Значит, его зовут Стефан.

Голос моего напарника был чужим. Не голосом Стефа. Умей я бояться, испугался бы этих глубоких перекатов, в которых прячутся рычание пирующих хищников и вопли истязаемых.

– Глупец!.. – продолжил он. – Твоего человека больше...

Но я не дал ему закончить. Активировал аварийный протокол и пропустил через тело Стража мощный заряд тока. В процессе чего сам же и выключился. Только и успел подумать: ну а какие еще варианты?!

Сознание вернулось спустя четырнадцать секунд. Пройдясь по базам – еще три с третью секунды, – я убедился, что сохранил основы личности. Безвозвратно пострадали только четыре кластера. Могло быть и хуже, но самое паршивое, что я даже не знал, какая именно информация там хранилась. Может быть, ничего важного – и всё легко восстановить, подключившись к сети Ассамблеи. А может быть, это жизненно необходимо прямо сейчас.

Теперь Разлом. Проверил показания датчиков и убедился, что его больше нет, и только после этого вернулся к проверке напарника. Не я такой алгоритм придумал, но считал его правильным.

Дышит. Сердце бьется. Значит, удар электрического тока он перенес без особых повреждений. Хорошо. Сигнатура мозговой активности – норма. Сейчас он без сознания, но

токи мозга соответствуют моему Стефану, а не... кому? Но ведь такого не может быть: демоны убивают людей, а не вторгаются в их разум! Основами ментального контроля пользовались Владыки, но в архивах значилось, что это скорее очень сильное подавление воли и критического мышления, нежели то, чему я был свидетелем пару десятков секунд назад. Чтобы демон говорил устами Стефа...

Так. По порядку. Сперва вернуть Стража в строй. Потом все остальное.

Отключив блок эмоций, я исследовал место проникновения нити, но не нашел и следа вторжения. Ни раны, ни разрушения энергетических потоков, что, кстати, было бы характерно для Владыки. Чем бы ни было то, чему я стал свидетелем, оно ушло и не оставило никаких подсказок. Что ж, тогда будим Стефана и проверяем работу его сознания.

На всякий случай перед этим я сделал резервную копию отчета, загрузил его на автономный носитель и отстрелил на пару шагов в сторону – вдруг снова придется бить электричеством.

– Стеф?

– М-м-м? – глаза он не открыл.

– Просыпайся, боец.

– Мама, ну немножко еще?!

– Ты серьезно сейчас?

– Ну пожалуйста!

– Стеф, сейчас не время шутить! У нас очень серьезная

нештатная ситуация!

Зафиксировал сокращение век – мой напарник наконец соизволил открыть глаза. Подогнал один из дронов поближе, чтобы видеть его лицо – обычно-то мне такое без надобности. То, что увидел, ужаснуло бы, будь эмоциональный блок по-прежнему подключен.

Во взгляде Стефана плескался страх. Скорее даже – животный ужас. Там не было ни грана разума, только всепоглощающая паника. Губы тряслись, на лбу выступила испарина, и апофеозом – уровень адреналина подскочил выше значения, достаточного для активации импульса. То есть за пределами высоко и, что куда опаснее, неуправляемо.

– Т-ты к-кто? – голос дрожал, а руками бедолага шарил вокруг себя, пытаясь найти что-то. Я не сразу сообразил, что ищет он меня. Того, чьи слова слышит, но не может увидеть.

Плохо дело. Активировав карту медбота, я быстро снял показания и не нашел физических повреждений. Значит...

– Стефан, – медленно, добавив в голос нотки увещевания, произнес я. – Скажи, что последнее ты помнишь?

– С-спать л-лег! – выкрикнул он. Махнул рукой перед лицом. – Г-где ты? Выходи!

Небольшая пауза, потом расширяющиеся до предела зрачки, еще более участившийся пульс. Но голос, будто в противовес, сделался спокойным.

– Ты демон? Я умер, а ты забрал мою душу? Я же не грешил!

Последнюю фразу Стефан выкрикнул фальцетом и с такой детской обидой, что мне сразу все стало ясно. Может, и не в деталях, но в целом. Господь Вседержитель и ангелы его! Как же так...

– Сколько тебе лет, мальчик?

Мама. Он упомянул маму. Значит, это до учебного центра, даже до епархиальных отборочных соревнований. Выходит, меньше двенадцати?

– Одиннадцать... Почему я тебя не вижу? Почему у меня руки такие огромные?

Он еще паниковал, но уже вяло, по инерции.

– Стражем хотел быть? – я постарался, чтобы мой голос прозвучал максимально доброжелательно.

– Граничником. У меня шесть признаков из девяти!

– Это много! Ты молодец! Ты станешь Стражем, Стефан. Очень хорошим Стражем. Точнее, уже стал.

– Что?

– Ты, малец, послушай меня. Спокойно послушай и не бойся. Я не демон, а почему ты меня не видишь, я сейчас объясню. Ты же знаешь, что самые достойные Стражи ходят с наставителями?

– Все знают!

– Вот! Молодец. Я – твой наставитель. Дядька Оливер, можешь так звать.

– Врешь ты! Я же не Страж еще! Наставители только у Стражей, которые Правило прошли! Все это знают! Ты де-

мон! Душу мою смущаешь!

Я бы вздохнул, если бы мог. Очень и очень давно я не разговаривал с детьми. Умел когда-то, семь лет перед отставкой воспитывал их для Граничной Стражи. Но то когда было! Еще до... а со Стефом я уже сколько хожу? Лет десять. Нет, девять. Вот, считай, почти ни с кем, кроме него, и не говорил все эти годы. Тут разучишься... Ладно, чего разводить. Вывалю прямо, как есть. Поистерит немного, а потом убедится сам.

– Стефан, посмотри на свои руки. Это руки мальчика?

Он послушно поднял к лицу обе ладони. Не слишком крупные, но определенно мужские. На правом мизинце не хватало последней фаланги – три года назад потерял в схватке с Князем на подступах к Москве. Прочих шрамов тоже хватало, все же девять лет для Стража срок долгий. Невозможно его прожить и не обзавестись отметинами.

– Это не мои!

– Твои, парень. Твои, даже не сомневайся. Слушай меня. Трудно в такое поверить, но ты уж постарайся. Ты вырос, Стефан. Победил в епархиальных отборах, стал курсантом в Ассамблее Нижнего Новгорода. Выучился на Стража. Прощел Правило. Получил наставителя – меня. И вот уже девять лет ходишь по миру, спасая его от тварей нижних миров и закрывая Разломы. Только на последнем мы с тобой плохо сработали. Возможно, даже в ловушку угодили, специально для нас расставленную. Демонов убили, Разлом закрыли, но

пропустили что-то. Я думаю, сильную тварь с той стороны, Князя, Владыку, а может, и повыше кого в иерархии их бевсовской.

Я не спрашивал Стефана, слушает ли он меня. В постоянном режиме я снимал информацию со множества датчиков его тела и знал, что тот сосредоточен, пусть и напуган еще. Но все же больше сосредоточен – хотя он и сделался вдруг одиннадцатилетним пацаном, этот пацан от рождения предназначался Страже. Шесть признаков из девяти – это вам не шутка.

– Он, демон этот, атаковал твое тело прямо с той стороны. Дотронулся до тебя и захватил. Я не знаю, как такое возможно, в моих архивах этого нет, но именно так и произошло. Несколько секунд, Стефан, твое тело было во власти твари с той стороны. И она принялась уничтожать твой разум, чтобы сделать из тебя одержимого – марионетку, которая потом прошла бы в Ассамблею, например, и устроила там резню среди курсантов. Или еще для чего. Но я ему помешал. Активировал аварийный протокол, который никто никогда не применял, и вышиб тварь прочь. Но она успела нанести повреждения твоей личности. Стерла ее часть. Как я сейчас понимаю, всю взрослую жизнь. Вот так, парень.

Стефан смотрел на свои руки и молчал. Не плакал, не кричал, не обвинял меня во лжи. Просто смотрел и о чем-то думал. Я не мог читать его мысли. Несмотря на то что крохотный носитель, на котором находилась моя оцифрованная

личность, был расположен в его мозгу.

– А мама? – вдруг спросил он.

Господи! Он же малец еще совсем! А я на него вывалил такое, от чего и взрослый матерый мангуст в смятение бы пришел. Отличный образец педагогики, Оли!

– Твоя мама умерла шесть лет назад.

2

Я не знал Стефана, когда он был ребенком. Мы познакомились уже после того, как он прошел Правило, что, в общем-то, естественно. Поэтому слезы на лице молодого мужчины, с которым мы прошли половину Евразии, закрыли несколько десятков Разломов и уничтожили сотни демонов, меня обескуражили. То, с какой легкостью они полились. И то, как быстро прекратились.

Если раньше у меня и были сомнения, что в теле взрослого человека обитает разум ребенка, то теперь они рассеялись без следа. Так резко менять настроение мог только одиннадцатилетний мальчик.

А еще он сразу мне поверил. Так тоже могут верить только дети. Без доказательств, без сомнений, не подвергая предмет суждениям и не прогоняя его через призму жизненного опыта. «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» – тот самый случай.

Первым делом, осушив слезы, Стефан принялся осматривать внезапно ставшее для него чужим тело. Приседал, подпрыгивал, даже куртку снял и пощупал крепость мышц. Судя по всему, остался доволен увиденным: по крайней мере, когда тыкал пальцем в напряженный бицепс, весьма по-дурацки улыбался.

Мне не хотелось дольше необходимого оставаться на ме-

сте, где едва чуть не потерял напарника. Повторное появление Разлома было событием маловероятным, но так ведь и захват тела Стража прежде считался невозможным. Об этом я и сказал мальчику в теле мужа: что нужно собрать вещи, уничтожить тела демонов и выдвигаться в сторону стационарного поста граничников.

– Я могу взять контроль над телом и все сам сделать, – предложил ему. – У меня есть полномочия так поступить в связи с нештатной ситуацией, но ты, хоть и ребенок, являешься моим сослуживцем и другом. И мне не хотелось бы запирать тебя в беспомощной оболочке...

Были и другие причины, опасность для здоровья Стража, например.

– Я справлюсь, дядька Оли! Правда справлюсь! Ты только говори, что делать.

Это его «дядька» резануло, хотя я ведь сам велел ему меня так величать. Зря, как выяснилось.

– Давай уж просто – Оли, хорошо? Тогда приступим. Первым делом рельсотрон убери в контейнер. Штука нежная, на сырости оставим – контактам хана.

– Здоровенный! О, смотри! Я его поднял, дядька Оли! Оли то есть.

– Молодец. Вон тот футляр. Должен загореться зеленый индикатор. Это значит, что герметично. Теперь даже если в воду упадет – не пострадает. Хорошо. Нет, клинок не трогай!

Стефан, едва убрав винтовку в специальный кофр для пе-

реноски, повел рукой над плечом и обнаружил там рукоять квача. Естественно, тут же схватил его и попытался вытащить. Мальчишка же! Хорошо, что не знал о кнопке блокировки, которую следовало нажать, а то бы без уха остался.

– Да я бы аккуратно!.. – сразу надулся тот. До того это комично выглядело – взрослый, битый жизнью мужчина изображает вдруг на лице обиженное выражение. Я даже сердиться перестал.

– Давай под контролем. Правую руку на рукоять. Указательным пальцем прижимаешь круглую кнопку, большим – маленькую. Хорошо. Теперь медленно тянешь руку вверх. Медленно! Грехи мои тяжкие! Кисть вперед не тащи, только вверх. Вот. Вот так.

Впору было снова отключать эмоциональный блок – ну невозможно же! Были бы волосы – поседел бы. Мальчишке сразу без подготовки и учебных тренажеров пришлось взаимодействовать с боевым оружием Стража. И еще точно придется. До тех пор, пока до стационарного поста доберемся. Можно, конечно, запретить внезапно впавшему в детство Стефану пользоваться оружием вообще, даже трогать его, но места тут глухие. Ну как на демонов нарвемся или на сектантов? Да просто на лихих людей, которые ни в Бога, ни в черта не верят – встречаются еще такие, несмотря на два столетия Темных веков. Сообразят, что вместо Стража им телок одиннадцатилетний попался – прибьют, лишь бы снаряжением завладеть.

Ассамблея только-только начала распространение своего влияния на Урал, и посты граничников тут стояли не как в центральных регионах – на расстоянии одного дневного перехода друг от друга. Здесь от одного до другого можно было топтать с неделю, а то и больше. К счастью, Стражи передвигались не на своих двоих, а используя редкие, но все же сохранившиеся с прежних времен байки на антигравитационных двигателях. Топлива для них требовалось немного, запасы его у Ассамблеи были обширны, а без технического обслуживания эти неприхотливые машины могли работать годами. Самое то для постоянно находящихся в автономном поиске воинов.

Вспомнив про гравицикл, я с ужасом осознал, что за управление им придется усаживать ребенка, который, естественно, от самой этой идеи придет просто в дикий восторг и, без сомнения, попытается устроить гонки по полосе с препятствиями. А на столь длительный период я не смогу забрать контроль над телом – данная функция все же предназначена для нештатных ситуаций, когда превосходящая человеческую реакция цифровой личности способна спасти жизнь. Слишком долгое управление физическим телом может закончиться кровоизлиянием в мозг.

Стефан, ничего не зная о моих мыслях, с восторгом смотрел на метровой длины лезвие, которое словно бы расплывалось в дрожащем вокруг него воздухе. Я знал этот взгляд по прошлой, еще в теле, жизни, когда обучал мальцов-кадетов.

И знал, что он значит. Вот глаза Стефана метнулись к поваленному стволу дерева, а потом обратно к клинку. Вот дрогнула правая нога, когда вес тела сместился на нее. Господь, за что наказываешь раба своего?

– А ну стоять!

Пацан замер. Повел глазами, привычно выискивая того, кто стоит за озвученным запретом. С тем, чтобы оценить и сделать вывод – нужно ли ему подчиняться. Вспомнил обо мне и смущенно опустил клинок.

– Большая кнопка под гардой. Зеленая. Нажми.

Квач перестал мерцать.

– В ножны.

Раздался шелест металла и его стук, когда гарда коснулась своей поверхностью магнитов ножен.

– Еще раз попытаешься исполнить что-то такое, я перестану тебе помогать. И тогда к концу дня тебя кто-нибудь убьет. Может быть, даже ты сам. Осознал?

– Да, дядька Оли.

Голова опущена, голос полон раскаяния – ну пацан и пацан!

– Хорошо. Тогда сейчас мы проведем ревизию имущества, я расскажу тебе о каждом предмете, составляющем снаряжение Стража. Если все выучишь и запомнишь – позволю вести гравицикл.

– Что, правда!

Вот об этом я говорил, да.

– Правда. Мы, наставители, не вре́м – попросту не умеем.

Ложь слетела легко и просто. Пробормотав в уме «Отче наш», я попросил у Господа прощения за этот маленький обман, который может уберечь моего «воспитанника» от большой беды. Пусть верит мне как духовнику, к тому же это и так одна из функций наставителя. Стражи долгое время ходят по диким местам, где священника днем с огнем не сыщешь. Как еще душе живой грехи отпускать? А у меня все исповеди записываются, по прибытии на базу скачиваются и изучаются уже живыми исповедниками Ассамблеи.

– Я все выучу!

А куда тебе, отрок, деваться? Это для тебя, да и для меня тоже, вопрос жизни и смерти.

– Ну тогда давай начнем. С рельсотроном ты уже знаком. Его используют для поражения крупных сил противника на дистанции от пятидесяти метров до пяти километров. Ближе не стоит, может зацепить обратным воздействием... Потом расскажу. Сейчас он разряжен, но через два часа в кофре зарядится. Квач ты тоже посмотрел – позже на привале тебе покажу, как им пользоваться, чтобы не остаться без рук. Пока тебе про него надо знать только то, что это самое опасное оружие в арсенале Стража. Про принцип квантовой спутанности, который лежит в основе этого одновременно существующего и несуществующего клинка, я, уж прости, говорить не буду – сам плохо понимаю. Гранаты импульсные, шумовые, плазменные. Первые два вида условно безопасны,

можно кидать в здание, а вот с плазменными осторожнее. Еще есть метатель плазмы, да, эта штука у тебя на левой руке. Тоже разряжена, хвала Господу.

Так, один за другим, я показал мальчишке все предметы в инвентаре, объяснил их назначение и меры предосторожности. Потом подсказал, как собрать и правильно упаковать вещи, и велел идти к нашему транспортному средству.

При виде гравицикла все, что я говорил ранее, у пацана из головы вылетело. Напрочь. Остались жадный взгляд и слюна, в переносном смысле бегущая по подбородку. Укрепляя вещи на раме, он косился на сиденье, руль, словно не веря, что ему сейчас дадут на этом великолепии покататься. Интересная штука – детская психика. В то, что демон стер память личности, он поверил, в то, что он был взрослым Стражем – тоже, а что байк теперь его – нет.

– Сейчас немного проедемся. Осторожно. У тела должны остаться моторные навыки. Надо лишь понять, до какой степени.

Стефан под моим контролем уселся на механизм верхом, включил двигатель. Когда гравицикл мягко поднялся на полметра над поверхностью, не смог сдержать восхищенного вздоха.

– Спокойно только. И ничего не делай, пока я не скамандую. Обе руки на управляющие рычаги... на руль. Принцип управления простой. Оба рычага вперед – едешь прямо. Чем сильнее толкаешь, тем быстрее едешь. Оба рычага тянешь

назад – останавливаешься. Левый рычаг назад – поворот налево, правый назад – направо. Понял?

– Д-да!

А может, пешком? Убьется же, как есть убьется!

– Тогда кнопку с латинской буквой «D» нажми. И очень плавно, едва-едва двигай оба рычага вперед. Как будто пушинку ладонями гонишь.

Видимо, образ, который я решил использовать, оказался неудачным. Или пушинки если он руками и гонял, то исключительно размахивая ими, как ветряная мельница. Байк резко рванул вперед и только по милости Творца не врезался в дерево, до которого было метров десять. Но не врезался, Стефан потянул правый рычаг на себя, и мы плавно его обогнули. После чего заскользили над землей в направлении реки. И явно не просто так полетели, а осознанно и управляемо. Все же работают моторные навыки!

– К Каме правь. К реке, – проинструктировал его я. – И не так быстро. Потом вдоль берега направо, по реке пойдем. Демоны воду не любят.

Один из плюсов такого общения – голос мой Стефан слышал, несмотря на бьющий в лицо ветер. Из минусов – зря я про демонов сказал. Гравицикл вильнул, но быстро выровнялся и сразу же медленнее пошел дальше.

– Демоны? Ты же... Мы же убили всех! И Разлом закрыли.

– Мы закрыли – они откроют. Не переживай так, Стеф. Я наблюдаю, будут признаки Разлома – сообщу. И можно по-

быстрее ехать, а то мы так до поста никогда не доберемся.

Водителем «воспитанник» оказался неплохим. С предрасположенностью, как говорится. Сразу и машину почувствовал, и принципы вождения, да и пресловутые моторные навыки помогли. Двигались мы спокойно, держа скорость около тридцати километров в час, и мирно беседовали. Точнее, я отвечал на бесконечный поток вопросов любознательного мальчишки.

– А наставители правда раньше были Стражами?

– Правда-правда. Отслужили один свой срок, а теперь второй вот служим.

– А это не мерзость в глазах Господа?

– Чего?

Вот ведь действительно – один глупец способен задать столько вопросов, что сотня мудрецов не смогут на них ответить. Или тут больше ситуация по типу «устаами младенца глаголет истина».

Вопрос был, что называется, с подвохом. Про меня. В смысле, про нас, наставителей. Вообще, это довольно популярное мнение у мирян, сами-то они в быту с нами не сталкиваются, вот и придумывают невесть что. Можно было пойти простым путем, просто велеть мальчишке заткнуться, сказать, что мал он еще. Но до стационарного поста было далеко, а разговор он всегда дорогу короче делает.

– Когда Страж стареет и больше не может ходить по миру, защищая человечество от демонов, то есть для него воз-

возможность дальше послужить делу праведному. Пройти процедуру, которую еще предки наши создали до Темных веков и открытия Разломов. Он ложится в машину специальную, та делает копию его разума и записывает ее на носитель, который потом после Правила вживляют новому Стражу.

– А зачем?

– Целей много, парень. Основная, конечно, это управляющий архивными знаниями интерфейс...

– Чего?

– Смотритель большой библиотеки, вот чего. Много, очень много информации хранится в наших базах данных. И человек будет долго в ней искать нужное. А я и такие, как я, сразу подскажут, что требуется – найдут.

– И ты все-все знаешь?

– Ну, что записывали, то знаю.

– И Святое Писание наизусть?

– И на разных языках, – усмехнулся я. – Но есть еще и другие функции у наставителей. Исповедальные, контролирующие и, как в нашем с тобой случае получилось, воспитательные.

– Понятно. А ты, получается, к Господу не попал?

Еще одно распространенное мирское заблуждение. Мол, машина бесовская душу крадет, и она никогда перед Богом не предстанет. И только тех Стражей к такому допускают, кто сильно провинился перед Ассамблеей. И перед самим Создателем. На деле все обстоит с точностью до наоборот –

зачем опыт никудышных Стражей передавать следующему поколению?

– Я, если мы говорим о той личности, что дала мне подобие жизни, давно уже умер и предстал перед Творцом. Я, с которым ты говоришь сейчас, не человек, а запись голоса человека, понимаешь? То, кем был Страж Оливер, когда лег в машину. Со всем своим жизненным опытом и памятью.

– Значит, не попал, – сделал Стефан парадоксальный вывод. – Мамка говорила, что все, что до Темных веков было – мерзость. Что по их вине, предков наших, значит, Темные века и наступили.

– Ну, в некотором роде...

– Да точно тебе говорю! Нам и батюшка в церкви так говорил! Люди жили в праздности и лености, все у них было, а работали за них машины. И разгневался тогда Господь, и отвернулся от людей. И обратил Сатана взор свой на мир, и понял, что нет на нем защиты Божьей. И отверз он врата в Ад, и пришли на землю демоны. И стали пожирать они человеков...

– Достаточно, Стеф. Я знаю все эти побасенки.

Сам из такой же глухой деревни, как и «воспитанник». Сам с тем же мусором в голове пришел в училище, сам долго не мог поверить в правду. И Стефана в свое время от народного фольклора избавили, только он об этом «забыл».

– И ничего не побасенки! Демоны, по-твоему, откуда берутся? Из Ада же!

Эх, малый. Да знал бы кто! Может, и правда – оттуда? Но не спорить же с ним, кхм, продуктом своего окружения. Вроде и пытается Ассамблея бороться с тьмой разума общинников, да только без толку. Да и то, сколько мы со Стефом – прежним Стефом – говорили об этом? Он-то считал, что и нет никакого старания. Более того, выгодно Ассамблее людей держать в невежестве. Управлять ими легче. Ну, это дела людские, не мне судить.

– Чего замолчал, дя... Оли?

– Думаю. Тут правее возьми, видишь – русло реки расширяется.

– О чем думаешь?

– О том, что с тобой и мной дальше будет.

– Святые отцы молитву надо мной прочтут – и память моя вернется!

Пожалуй, мой Стеф был прав. Зачем такую чудесную веру знаниями портить?

– Значит, будем об этом Господа молить.

Вскоре показались знакомые, чуточку, но обжитые места. Парочка стогов сена, тропки через поле, по которым здешние Стражи на рыбалку ходят. Помню, как вчера они рассказывали, насколько рыбные тут места. А затем показался и сам пост.

Приземистое, сложенное из толстых бревен здание, в таком и зиму здешнюю пережить можно, и осаду, если недолгую. Окошки-бойницы, крыша из дерна, флаг Ассамблеи –

ладони обнимают планету – на флагштоке.

– Тормози-ка, – велел я Стефану, заподозрив что-то недоброе.

Вернее, это я говорю так – заподозрил. На самом деле сравнил вчерашний облик поста и сегодняшний и нашел множество мелких расхождений. Ограда в двух местах сломана, темные пятна на сухой пыли перед входом, распахнутая вопреки требованиям устава дверь.

Мальчишка послушно остановил байк, замер, ожидая дальнейших указаний. А я активировал парочку внешних датчиков и отправил их к избе. С них и заметил движение внутри поста. Двинул микроскопического разведчика внутрь, но влетать не пришлось. Один из Стражей, немолодой мужчина по имени Евсей, вышел на порог и повернул голову в нашу сторону.

– Вроде нормально все, – произнес я для Стефана. И тут заметил странное выражение лица Стража. Пустое, словно бы неживое. Как будто... Ох ты ж, Мать-Богородица!

3

Я не успевал отреагировать иным образом, кроме как опять, второй раз за день, перехватив управление телом Стефана. Прыгнул с байка, покатился по земле под прикрытием заранее замеченной кочки. Прижался к ней, как к материнской груди, и только там отпустил контроль. В тот же момент в воздухе над гравициклом прошелестел снаряд тазера. Похоже, нас собирались брать живыми.

– Что? – задуманно прошептал мальчишка.

Потеря контроля – неприятная штука. У меня имеются собственные воспоминания на сей счет. И парочка записей того, как это происходило со Стефом.

– Страж захвачен демоном. Скорее всего, оба Стража. Нужно уходить.

Неадекватное поведение, отсутствующий взгляд – что это еще может быть? Да еще и через несколько часов после атаки неизвестного демона на моего напарника. А уходить надо – не лезть же одиннадцатилетнему пацану на двух воинов. Хотя... Если со Стефаном все привело к частичной потере памяти, то, может, и одержимые не бог весть какие вояки? Подготовка Стража тоже часть личности.

Но проверять это мы не будем. Раз уж противник желает использовать бессмертный боеприпас, то и у нас есть шанс разорвать контакт и бежать. Хотя бы для того, чтобы Ассам-

блея узнала о происходящем.

Дрон-разведчик показывал только одного противника, того, который вышел из избы. Второго пока видно не было. Причин тому могло быть множество: не пережил обращения, был убит одержимым напарником, крадется к нам со спины. Поэтому я активировал еще одного микродрона, отправив его прикрывать наш тыл.

А Евсей тем временем шел к нам, сжимая в руках массивный дробовик, стреляющий парализующими электроразрядами – еще одним распространенным среди Стражи оружием. Такие, как мы, то есть искатели, подобное не использовали – смысл? А постовым зачастую приходилось и от паникующих общинников отбиваться.

Что ж... Видимо, придется мне снова брать тело под контроль. Вероятное кровоизлияние в мозг предпочтительнее гарантированного плена и последующего, тут я уверен, обращения в демонического слугу.

Но тут Стефан меня удивил. Я даже моторику отследить не успел, не иначе потому, что не ждал от воспитанника таких выкрутасов. Только увидел в полете кругляш шоковой гранаты. Взведенной. И подумал, что это хорошее решение моего Стефа. Хорошо, что пацан не плазменную по ошибке схватил!

Нас и одержимого Стража с начала боя разделяли шестнадцать метров. Пока он стрелял, а мы прыгали, пока мы со Стефаном говорили, а он шел, расстояние сократилось до

семи. И мальчишка каким-то образом кинул гранату прямо под ноги одержимому. Чутье, память тела – бог весть. Но попал.

Одна беда – нас тоже зацепило. Хотя я насильно зажмурил глаза, прижал ладони к ушам и, открыв пошире рот, впечатал воспитанника лицом в землю. Но яркий свет все одно пробился сквозь плотно сомкнутые веки, а по ушам ударил резкий и сильный хлопок, ввинчиваясь, кажется, в мозг. И это на расстоянии, со всеми предпринятыми мерами предосторожности, – каково же тогда одержимому?

Слух просел, но это нам общаться не мешало.

– Что делать? – у воспитанника кончились идеи, и он впал в панику. Орал, наверное, в полный голос – оглохшие и контуженные всегда так делают.

– Можешь говорить тихо, я все равно услышу.

– Что теперь делать? – повторил он вопрос, вероятно, уже одними губами.

– Что я скажу. Сразу и не раздумывая. Понял?

– Да!..

Неизвестно, подействовала ли граната на одержимого так, как должна была – мой дрон-соглядатай попал под действие взрыва и был уничтожен. Приходилось исходить из того, что противник шокирован и дезориентирован, как обычный человек. Приказал Стефану уйти в перекат, а потом броситься к противнику. Сам же активировал последнего дрона и поднял его в воздух. Вовремя, как оказалось. Второй одер-

жимый – Алан, кажется, его звали – выбежал из дома с шокковой дубинкой в руке.

Пацан тем временем добрался до Евсея. Тот стоял на коленях, бросив оружие, прижимая руки к ушам и тряся головой.

– Тазер.

Стефан среагировал моментально, подхватил дробовик и – ну умница же! – выстрелил в Алана. Специальный снаряд такого же, кстати, калибра, что и боевой, сбил бегущего с ног и заставил его трястись под действием электрического тока.

– Контроль.

Второй снаряд обездвижил Евсея. Минута, много две, у нас появились.

– Проверка дома. Быстро.

Решения я принимал исходя из следующей логики: если двоих стражей обратили, значит, демонов тут быть уже не должно. Здесь планировалась засада, и пришельцы из иных планов могли ее раскрыть. Но проверить это не помешает. Как говорится: не верь в логику – жизнь иррациональна.

Пока мальчишка бежал к дому, меня просто подмывало спросить его «ну как ты, держишься?». Но я себя одергивал, не хватало еще сбить воспитанника с боевого настроения. Он и так действовал прекрасно, выше всяких похвал, как настоящий Страж – быстро и без сантиментов. Движения разве что были не слишком уверенными и экономными, да и оружием размахивал так, что больно было смотреть. Но справлялся

же, а большего в наших с ним обстоятельствах требовать не приходилось.

Даже, кстати, повезло, что одержимых встретил ребенок, а не взрослый Страж. Мой Стеф мог и заколебаться на какую-то долю секунды, все же по братьям стрелять – простое дело. Да и я не стал бы инициировать чрезвычайный протокол и забирать управление телом – доверился бы опытному граничнику. А мальчишка никаких сомнений не испытывал. Сказал наставитель, что демоны, значит – демоны и есть.

В доме – большой избе девять на девять метров – никого не оказалось. Ни людей, ни инопланарников. Вещи разбросаны, что обычно и бывает, когда на парочку мужчин, живущих вместе, перестает оказывать свое благотворное действие устав. По стенам развешаны рыболовные снасти и снаряжение Стражей. На столе полно еды – последнее меня очень заинтересовало. Не самим фактом наличия пищи – поесть граничники любили вообще, а эти – в частности.

Нет, я обратил внимание, что еды было слишком много. Такое ощущение, что постовые вытащили из закромов вообще все. Копченый окорок, взятый, видимо, в ближайшей общине, жареная и вяленая рыба, вареная картошка, огурцы с маленького огородика за домом, лук, чеснок, черствый хлеб. Все это надкусано и беспорядочно разбросано по столу, стоящему у окна, словно на граничников напал лютей голод. Будто бы они хватали рыбину, отрывали от нее кус зубами,

а после отбрасывали, чтобы впитаться в окорок.

Осваивались в телах, понял я. И пробовали новые ощущения. Поэтому не ели, не голод утоляли, а жрали. Жадно, без цели насытиться. Значит, недавно их обратили.

Я зафиксировал в памяти всю эту сцену, чтобы потом в более спокойной обстановке разобраться с деталями, и велел Стефану идти во двор. Только сперва мы с ним веревку со стены прихватили. Хорошую такую веревку, точнее, тонкий армированный шнур из комплекта снаряжения Стражей. Такой и ножом не особенно порежешь, а на разрыв он и вовсе чудовищно прочен.

Им-то мы и связали парочку одержимых, все еще пребывающих в полубессознательном состоянии после знакомства с собственным тазером. Сопротивления они почти не оказывали, только глухо ворчали, пока Стефан неумело заламывал им руки за спину и волок к дому.

– Посмотри у себя в нагрудном кармане футляр такой, пластиковый, – сказал я. – Там ампулы есть, с оранжевыми колпачками. Ими пленных в чувство привести можно. Только, смотри, зеленые не возьми!

– Мы их будить будем? – вопрос донес до меня панические нотки в голосе воспитанника. Ну вот, а так хорошо держался!

– Отставить бояться, кадет! Они связаны и вреда тебе причинить не смогут, даже если очень захотят. А нам нужно допросить пленных. Или ты предлагаешь сразу же их убить?

– Убить?!

Ну да, над тем, что делать с бывшими Стражами после победы, он еще не думал.

– Не прямо сейчас. Сперва допросить. Да, эта ампула. Разломи пополам и под нос сунь одному. Тому, которого ты вторым вырубил, первый еще и от шоковой гранаты пострадал, вряд ли на него подействует. И помни – делаешь то, что я говорю. Не задавая вопросов, не сомневаясь и не страшась. Иначе нам с тобой не выжить и до безопасных мест не добраться.

Алан дернул головой, пытаясь отстраниться от источника резкого и неприятного запаха, но стукнулся затылком о стену. Открыл глаза – обычные, человеческие. Однако их выражение, да и в целом мимика его лица, говорили, что перед нами совсем не человек.

– Радуешься, ловчий? – с презрительной усмешкой спросил он.

Вопреки распространенному заблуждению мирян, демоны умеют не только рычать, но и разговаривать. Да, глотка большинства из них плохо приспособлена к людской речи, но тем не менее говорить умеют даже низшие. Но обычно они этого не делают – зачем бы мяснику беседовать со свиной тушей? А ведь именно так нас они и воспринимают – мясом.

Но, попадая в плен, демоны говорят. Даже отвечают на вопросы, если, конечно, их правильно задавать. И боли бо-

ятся, хотя и способны ее терпеть.

В общем, говорящего демона мне видеть уже приходилось. В человеческом теле – нет, а так – да. И вид его меня не смутил: судя по голосу и глумливым интонациям, внутри прятался не Князь и не Владыка, а Крыс. Что, кстати, подтверждалось и надкусанной едой – эти твари крайне небрежны.

– Задавай вопросы, – сказал я Стефану. Слышал меня только он, так что под контролем вполне был способен провести допрос. – Слово в слово чтобы! И никакой отсебятины! Вообрази, что ты опытный инквизитор.

Мальчишка молча кивнул и, выполняя мое распоряжение, уселся так, чтобы его глаза оказались на одном уровне с глазами пленника.

– Стражи живы?

– Их души горят, ловчий! – сразу же отозвался демон. – О, как они горят! Какие вопли издают – просто музыка сфер! Но тебе не понять!

– Поменьше этих бредней, я не общинник, который от подобных тебе крестом отмахивается. Ты Крыс?

– Дурацкая у вас все ж таки классификация, ловчий. Ящер, обезьян, крыс. Только с Князьями и Владыками не облажались, да и то потому, что они вам сами поведали, как обращаться.

– Мне плевать, как вы промеж собой обзываетесь. Ты – Крыс?

– Ну Крыс, и что?

– И сосед твой тоже?

– Ну а кем ему еще быть, дурило? Часто видел, как стаи смешиваются?

– И как парочка Крысов захватила тела Стражей? Вы же падальщики, ничего, кроме как жрать и гадить, не умеете.

– Зато как! – хохотнул демон. – В этом лучше нас не сыскать!

Он продолжал глумиться. И явно не боялся того, что оказался в плену. У инопланарников, это многие допросчики отмечали, почти отсутствует страх смерти. А боли они хоть и боялись, но вполне могли ее терпеть. В полевых условиях допрашивать демонов было не проще, чем почесать зудящее место между лопатками. Но, как и в упомянутом деле – умельцы имелись. Я был одним из таких. Ящеры и Крысы у меня пели, как он там сказал – куда там музыке сфер.

– Ну что же, значит с «Отче наш» начнем, – произнес я. И для Стефана уточнил: – Помнишь молитву-то или надо подсказать?

– Да.

– Ну тогда читай. Искренне только, а не как в храме на воскресном служении.

Демон презрительно скривился.

– Думаешь, слабенькое защитное заклинание тебе поможет? У вас, людей, нет столько веры, чтобы оно сработало!

Стефан, прикрыв глаза, бормотал молитву. Заканчивал на

«аминь» и тут же начинал снова. Семь раз прочел, а потом, выполняя мою команду, проговорил:

– Вера без дел мертва, демон.

И вылил ему на голову святую воду.

Того выгнуло дугой. Зубы издали такой звук, будто крошились друг о друга. Глаза закатились, но из сомкнутого рта не донеслось ни стона, ни крика.

– А дела мертвы без веры, – закончил я, когда дыхание вернулось к одержимому. – Ты подумай, Крыс, смерть – не такая уж плохая альтернатива. Выйти из тела ты не можешь – не сам зашел, не самому и выходить. А я могу сейчас наполнить корыто за избой водой и освятить ее. Умереть не умрешь, но...

И развел руками. В смысле, Стефан развел. С некоторой задержкой, все-таки он никогда раньше не видел допроса инопланарника.

Демон тяжело дышал, но рта не раскрывал.

– Ты же не первый Крыс, с которым я беседую. Подумай, я уже много лет хожу по диким землям, вашей братии видел столько, что и не сосчитать. Думаешь, что другие прежде не упирались?

– Ты о боли ничего не знаешь, червяк!

– О вашей боли? Пожалуй, нет. Видел, как вас корчит от молитвы и святых мощей, но на себе не испытывал, твоя правда. Но ты посмотри с другой стороны. Ты сейчас в теле человека. А если я могу расколоть Ящера или Крыса в есте-

ственной для него сущности, про которую мне мало известно, то что, по-твоему, я способен сделать с тобой, когда ты в теле человека? Про которое я знаю все.

Низшие демоны агрессивны и трусливы. Нападают, когда уверены, что им не окажут достойного сопротивления. Бегут, когда с ним сталкиваются. И с радостью стучат друг на друга. На что я, в общем-то, и рассчитывал, когда начал допрос.

Второй Крыс пришел в себя уже некоторое время назад, но старательно делал вид, что по-прежнему находится в отключке. Другого это могло обмануть, но не меня, следящего за каждым его движением. К тому же демон еще очень плохо контролировал тело.

– Легкую смерть? – спросил он.

– Стефан, кивни.

– Трусливое дерьмо! – заорал первый Крыс, когда понял, что товарищ его готов к сделке. – Не верь ему, ловчий! Он лжец! Говори со мной.

– Да мне, в общем-то, все равно, кто из вас легко помрет, а кто проведет несколько суток в корыте со святой водой. Начинайте уже говорить. Стражи живы?

– Нет! – в унисон выкрикнули демоны.

Стефан торжествующе улыбнулся безо всякой команды.

В общем, знали одержимые немного, да и кто бы низшим дал много знаний? Но говорили охотно. И то, что они наговорили, перебивая друг друга, сводилось к следующему. Стра-

жи мертвы. Личности их были стерты, как произошло бы и со Стефом, не ударь я тогда электричеством. Души ушли за грань, а тела заняли Крысы. Не сами, как я и полагал. Сделал это Высший, про которого демоны много рассказать не смогли – попросту не знали. Назвали его Золотоголовым – с такими нам встречаться не доводилось. И сказали, что он велел их стае создать Разлом неподалеку от поста граничников и напасть.

Но сквозь прореху в мироздании пошли не все низшие. Десяток оставил при себе тот Высший, который наблюдал за боем, но при этом не собирался вмешиваться.

Стражи – ожидаемо – перебили партию Крыс меньше чем за минуту. Все-таки зря я на них грешил, не так уж они и забили на службу в этой глуши. Засекли портал, подготовились и встретили пришельцев во всеоружии. Но именно на такой исход и рассчитывал Золотоголовый. Когда Стражи приблизились к Разлому, чтобы затворить его, он оплел их едва заметными нитями, а затем схватил двух Крыс и вбросил их в тела граничников.

– Он приказал нам ждать путников и нападать на них. Сказал, что скоро вернется и проверит, как мы исполняем его волю, – закончил свой рассказ первый Крыс. Он уже познакомился с воздействием святой воды и молитвы, поэтому его рассказ был более многословен и полон подробностей. Хорошая мотивация творит чудеса.

Я не сомневался, что Золотоголовый оставил Крыс в за-

саде специально для нас. Каких еще путников тут ловить? Кто тут еще кроме Стражей может ходить. Значит, на пост он попал после того, как потерпел неудачу с нами. И теперь пытался сделать так, чтобы о новых возможностях демонов никто не прознал.

– Убить их сможешь? – спросил я Стефана.

– Я?

– А кто? Ты Страж, хоть и малолетний. Я могу сам, но знаешь, лучше бы тебе научиться.

У парня сразу подскочил пульс. Да, я поступал жестоко, требуя от него подобного поступка, но и правильно в то же время. Нам нужно было добраться до Нижнего Новгорода, чтобы поставить в известность начальство. А это около тысячи километров, только половина из которых проходит по землям, более или менее контролируемым Ассамблеей. Золотоголовый уже открыл на нас охоту, так что это было только первое столкновение с его слугами.

Эх, была бы связь! Насколько бы это все упростило. И ведь устройства у Церкви были, но Разломы вносили такие искажения в ионосферу Земли, что пользоваться ими никак не получалось.

– Может, нам их надо живыми доставить? Ну, чтобы святые отцы, значит, могли...

– Слишком велик риск. А если они освободятся в пути или по их следу пойдут другие твари? Я могу сам, но считаю, что ты должен взрослеть, граничник.

– Я... Я попробую...

– Нет, Стеф! – жестко прервал его я. – Не пробуй. Делай.

Я учил тебя, как правильно доставать квач?

4

Трясло Стефана потом еще долго. Он, может, и понимал умом, что не человека убивает, а демона, тело Стража захватившего, но ум – одно, а чувства – совсем другое. Рука, конечно, дрогнула, удар вышел слабеньким – отмашка, а не удар. Но для клинка, режущего даже металл, не имели особенного значения ни сила, ни замах. Только направление. А с ним мой потерявший память напарник не оплошал.

Со вторым вышло лучше. Стефан сосредоточился, сжал губы и одним движением отделил голову одержимого от тела. После чего твердой рукой обесточил меч, убрал его в ножны и бросился за угол – блевать. Я же на время отключил все внешние системы контроля тела, оставил только датчики дальнего обнаружения и дал пареньку побыть одному. А через десять минут велел ему умыться и собираться в дорогу. Пусть бы и вечерело уже – это не повод оставаться на месте уничтоженного демонами поста граничников.

Не то чтобы я считал, будто Золотоголовый, о котором говорили демоны, так скоро придет проверять своих засадников, но береженого ведь и Господь бережет. Хоть и сказано в Писании о том, что без воли Создателя и волосу с головы человека не упасть, зачем же создавать возможности для потери головы вместе с волосами? Смирение и безрассудство – разные вещи.

Если бы Высший сделал ставку на этот пост, он оставил бы тут еще и демонов. Но не сделал этого. Возможно, боялся, что Страж может их обнаружить, что, кстати, не факт, а, скорее, попросту еще только экспериментировал с этой новой силой. И не вполне понимал, где и как ее стоит применять. Что нас и спасло.

Только вряд ли везению суждено длиться долго. Золотоголовый не справился с одиночкой, для которого специально оставили наживку в виде сигнатуры готовящегося с той стороны ритуала открытия Разлома. Учтя ошибки, он уже не без труда, но смог поработить сразу двух Стражей. Те, в отличие от Стефана, наставителей не имели, подобных мне подключали только к бродячим воинам, а таких было немного. А сами Стражи не смогли вовремя воспротивиться вторжению инопланарной сущности.

Так что вывод крайне неутешительный – дальше будет хуже. Умение Золотоголового растет: вскоре он узнает, что Стефан выжил. И поймет, что направляется тот к ближайшему оплоту Церкви в здешних землях – к Нижнему Новгороду, к которому отсюда ведет не так много дорог. А значит, отправит погоню или устроит засаду, не желая, чтобы сперва епархия, а затем и вся Ассамблея узнала, что у демонов появилось новое оружие.

Так что ждать хорошего не приходилось. А у меня на руках мальчишка в теле воина Христова. Смелый и хороший, но мальчишка, который после убийства одержимого десять

минут плакал и блевал, который понятия не имеет о том, как бороться со Злом, почти уничтожившим наш мир много лет назад и теперь всячески мешающим ему восстановиться. И весь опасный арсенал Стража, с помощью которого можно в одиночку противодействовать даже Разлому Князя, для него не более чем игрушки – ведь пользоваться им он не умеет.

Конечно, у него есть я. Цифровой ассистент, духовник и управляющая оболочка интерфейса. Копия опытного Стража, который до оцифровки много чего умел. Но это лишь чистое знание, которое, конечно, сила, но без практической реализации – не слишком впечатляющая.

Может, и повезет, кто знает? Может быть, мужчине, выглядящему как Страж, вооруженному как Страж и едущему на гидроцикле Стража, удастся без препон добраться до Нижнего Новгорода. Может, потеряет наш след Золотоголовый, по неверному пути пустит своих охотников, а Господь присмотрит за рабом своим.

Но я в такой исход не верил. Во-первых, демоны не идиоты, хотя низшие порой такими и кажутся. А во-вторых, не хотел бы того Господь, так и не случилось бы подобного. Но Он посылает нам испытания, чтобы сделать лучше и закалить. В конце концов, была б на то Его воля, и твари из иных планов не пришли к нам триста лет назад. Но зачем-то же он попустил это?

Так, Оливер! На ересь-то чего потянуло? Твое ли это дело в замыслах Творца разбираться? У тебя простая задача:

уведомить епархию и Ассамблею. И напарника, который сделался ребенком, спасти. Об этом и думай.

– Здесь останови, Стефан, – сказал я, когда мы отъехали от поста километров на семь.

Держались мы подальше от реки, так как это направление было слишком уж очевидным. В результате забрались в глушь непролазную и теперь петляли по поросшему густым подлеском лесу. В полной уже почти темноте, разгоняемой только лишь фонарем на байке.

– Лагерь тут ставим. Надо отдохнуть тебе, да и подучиться кое-чему, коли мы хотим до дома добраться.

Стефан безэмоционально кивнул, посадил байк и принялся под моим руководством заниматься обустройством лагеря. Тоже задача непростая, если не знать, что в седельных сумках хранится и к чему оно пригодно. У Стражей много полезных и опасных игрушек из прошлого. Могут жизнь спасти, а могут и лишить ее.

Первым делом мы поставили охранный контур. Вонзили в землю четыре металлических штыря, закрепили на них датчики слежения и замкнули управление на меня. Они заранее предупредят о звере или человеке, но не помогут против демонов. Поэтому для них мы подготовили свою систему оповещения и даже первую линию обороны.

Сперва опять же датчики, настроенные на сигнатуры демонов. Они хоть и суть твари потусторонние и бесплотные, в нашей реальности подобие плоти обретают. А значит, следы

оставляют, и настроенные специалистами приборы их обнаруживать способны. Не всех, конечно, только низших, но и то хлеб.

Следом установили всенаправленную антенну, которая в теории могла предупредить о любом Разломе в радиусе двадцати километров. На практике, правда, дальности приема хватало на втрое меньший радиус, но в наших условиях достаточно было и этого.

И напоследок окружили лагерь посеребряной и освященной стальной нитью толщиной в волос и прочности неимоверной. На нескольких уровнях сразу: снизу, по-над землей, повыше, у пояса, и еще выше, где у человека горло. Такая штукавина от зверя не уберезет, разве что заставит запнуться, а вот ротозею из племени дьявольского способна отхватить ногу или руку, стоит только зацепиться.

А вот с неба прикрываться не стали: ни сил, ни материалов на это не имелось. Ограничились запуском последнего дрона-разведчика, опять же с управлением на мне.

Стефан буквально валился с ног. Слушал все мои пояснения, кивал, но было видно, что держится он на одной только воле. Наконец, закончив с обустройством, он поел, и я разрешил ему лечь поспать. Предупредив, что будить буду очень жестко – куда там ведру с ледяной водой. Мальчуган, кажется, не очень серьезно отнесся к этому обещанию и через миг уже сопел на вспененном коврикe, укрывшись одеялом.

Я тоже погрузился в состояние, которое применительно к

такому, как я, можно было назвать сном. Отключил большую часть функций, оставив только контроль датчиков и управление дроном, описывающим замысловатые петли над нами. Бодрствовать в полноценном режиме было непродуктивно для отдыха человека – энергия на мою «жизнь» берется ведь из его тела.

А поутру, едва только лучи солнца осветили дремучую чащу, где мы встали на ночевку, как и обещал, разбудил подопечного. Резким до пронзительности звуком, слышать который, впрочем, способен был только он.

– Что? – подскочил воспитанник. И принялся озираться. – Демоны?

– Нет, отрок. Это стандартный сигнал побудки в училище, память о котором стерта из твоей головы. Так у кадетов вырабатывается привычка просыпаться в установленное время и вообще спать вполглаза. Правда, в училище он звучит не в твоей голове, а на всей территории, но мы тут, как ты понимаешь, несколько стеснены в средствах.

Стефан перестал крутить головой и скорчил заспанную и одновременно укоризненную гримасу. Уже начал привыкать, что смотреть на собеседника, чтобы продемонстрировать свою эмоцию, не обязательно.

– Ты рожи мне не корчь. Тебя еще многому научить нужно, чтобы до Новгорода живыми добраться. Готовь завтрак, а я пока расскажу, что дальше делать будем. Вчера ты уже не в том состоянии был, чтобы слушать.

И под аккомпанемент гремящей посуды и довольно невоспитанного чавканья я рассказал Стефану о своих соображениях относительно Золотоголового и о наших планах.

– Даст Бог, доберемся дней за десять, – закончил я, когда и он завершил трапезу. – Конечно, придется поплутать, идти путями долгими, но не очевидными для нашего врага. Но так меньше шансов, что мы с ним или со слугами его столкнемся. Провизии тебе хватит, топлива байку тоже, так что я считаю это наилучшим образом действий. Есть возражения? Нет возражений. Тогда быстро собрать лагерь и выступаем.

В процесс обратной упаковки снаряжения я старался не вмешиваться без крайней на то нужды. Только если видел, что Стефан делает что-то неправильно, подсказывал. Так-то оно лучше до него дойдет, через практику. Мальчик в очередной раз показал, что память у него отличная, большую часть сборов выполнив четко, словно бы и не отключался вчера.

Через двадцать две минуты после подъема мы уже покинули наш ночной лагерь. Дорогой я развлекал подопечного историями о мире до Темных веков – у мирян ведь не было доступа к архивным знаниям. Тот слушал, умудряясь следить за дорогой и восхищенно охать, когда слышал что-то совсем диковинное.

– За твердь небесную? – я специально оставил паузу, чтобы Стефан задал этот вопрос. – Как такое возможно?

– То есть байк с антигравитационным двигателем тебя не

удивляет, а тот факт, что люди летали в космос, вызывает недоверие?

– Ну так байк-то... он же на земле, – объяснил свою позицию по данному вопросу воспитанник. – А то в небо взлететь и сквозь него пролететь!

– Не просто пролететь, отрок. Предки строили корабли, летали в космос, это то, что за твердью небесной находится, и даже изменяли небесные объекты в Солнечной системе, именуемые планетами. У человечества были города на Марсе, который полностью терраформирован, вокруг Цереры построена огромная станция-бублик, внутри которой люди жили, как на Земле...

– Врете!

– За словами следи, Стефан! Зачем мне тебя обманывать?

– Не знаю, но такого быть не может!

– Просто ты не понимаешь. Оружие и транспорт Стражей, которыми ты так восхищаешься, это крохотные осколки величия, которым владели люди. Самые малые и далеко не самые значительные.

– Если они были такие великие, чего ж их демоны перебили? – голос Стефана выдавал торжество, мол, а на это ты что ответишь, умный наставник? – А сейчас любой Страж с этими вот их осколочками легко десяток демонов победит!

– Великими люди были в делах, но в вере слабы, – вопрос мальчика был, можно сказать, каноническим, его задавал каждый будущий Страж. Как и мой ответ. – Мы же Вра-

га разим не оружием, а верою и молитвой. Граничник выходит на бой вооруженный технологиями, но побеждает именем Господа.

– Ну это-то понятно!

Сколько я таких разговоров провел – не счесть. Сначала рассказы о прошлом, о величии, предшествующем концу. Затем закономерные сомнения детей. Ответы на вопросы. Снова сомнения, мои контрдоводы и доказательства. А потом история подлинного падения человеческой цивилизации, а не того, что в усеченном виде дается факультативно вместе с изучением Священного Писания.

– Остановимся на отдых, я тебе покажу кое-что.

– Что? – тут же заинтересовался Стефан.

– Видео.

– У тебя есть видео! – кажется, он умудрился подпрыгнуть в седле байка. – Настоящее?

– Настоящее, – я не стал добавлять, что это не развлекательные картинки на церковную тематику, которые им крутят по церквям и приходам в воскресные дни. И что ему вряд ли понравится смотреть на события трехсотлетней давности, как будто он стал одним из свидетелей конца цивилизации.

– А про что там? Про корабли, которые за твердь летают?

– И про них тоже.

Корабли там были, да. Красивые, сверкающие – настоящие памятники гению человека. И другие – взрывающиеся, горящие, кувыркающиеся мертвыми кусками металла в хо-

лодной пустоте космоса. И скрюченные людские фигурки, как крошки от хлеба, кружащиеся вокруг них... Открывающиеся по всем планетам и космическим станциям Разломы, орды демонов, реки крови, горы мертвых человеческих тел. Огромные города, превратившиеся в ловушки для миллионов людей...

Вообще-то рекомендуется показывать настоящую историю человечества на втором году обучения, когда психика кадетов уже подготовлена к принятию правды. Перед этим также ставят гипноблок на три последующих года, чтобы они не могли никому о ней рассказать. Потом он уже не требуется – к моменту выпуска молодые Стражи прекрасно понимают, о чем говорить допустимо, а о чем лучше молчать даже с матерью.

Но правила работают в обычных условиях. А в нестандартных и поступать приходится сообразно. Так что на ближайшем привале я, тщательно контролируя процесс, передам картинку ужасного прошлого в мозг моего воспитанника. И буду следить, чтобы сердце его не разорвалось от ужаса. Впрочем, вряд ли ему это грозит – один раз в жизни он это потрясение уже испытал.

– Скорее бы! – протянул Стефан, ерзая в седле.

Я хотел было пожурить его за нетерпеливость. Но не стал – смысл? У него разум дитя, а ребенку положено быть импульсивным и нетерпеливым. Взрослея, а в его случае это очень быстро произойдет, он разучится удивляться.

– Пока едем, расскажи, как Святые Воины восстание подняли!

– Да ты же знаешь, чего рассказывать? В церквах о том постоянно твердят.

– Может, Стражи больше знают.

В уме ему не откажешь. И в умении анализировать. Страж, точнее любой посвященный Ассамблеи, знает значительно больше. Но рассказывать этого тоже нельзя. До показа образовательного видеоролика, который, к слову, Святые Воины и нашли. И который стал отправной точкой возрождения человечества.

– На привале, – отозвался я. И тут получил сообщение с дрона о движении в лесочке в трехстах метрах. – Сбавь-ка скорость.

– Да и так еле ползем...

– Сбавь!

Разрешение у камер разведчика было хорошее, но многого разглядеть не удавалось – мешала листва. Но в лесу кто-то был. Не зверь. Группа, от пяти человек и до Бог знает какого количества. Но вряд ли больше полутора десятков, иначе и шума бы они производили немерено.

– Правее возьми, – велел я, решив на всякий случай увеличить расстояние между нами и неизвестными. Может, там просто общинники прячутся или охотники, а может, и не люди это вовсе. – И расстегни правую седельную сумку. Пока просто расстегни, не суй туда руку! Когда прикажу, выта-

щишь оттуда пистолет. Но только по команде.

– Понял. А что там, Оли?

– Люди. Или не люди. Движение. Езжай пока, не надо давать им знать, что они замечены.

– А может...

– Молча поезжай! Я работаю!

В кои-то веки мальчишка решил отреагировать не обиженной мордашкой, а молчаливым кивком. Взрослеет щенок.

Люди в лесу, заметив, что гравицикл со Стражем чуть изменил курс и теперь пройдет в отдалении от леса, решили, что таиться больше нет смысла. И высыпали на равнину, демонстрируя самые что ни на есть враждебные намерения. Как я и предполагал, их было чуть больше десятка – двенадцать, если уж совсем точно.

Никакие это были не общинники. Теперь, когда они вышли на свет из лесу, я опознал в них сектантов. Обычных, в общем-то, людей, которые отринули Господа и выбрали службу Князю мира сего. Отличались они и внешне, явно копируя своих хозяев и покровителей. Крашенные или татуированные лица, большое количество амулетов и оберегов, самодельное оружие, все больше холодное, но у парочки я углядел арбалеты, а у одного – трубу ракетного гранатомета, которую он тут же принялся наводить на байк.

– Полный ход! – скомандовал я. Стефан без раздумий бросил рычаги управления вперед.

5

О том, откуда у отступников оружие из прошлого, я не думал. Не до того было. Вместо пустых размышлений я следил за гранатометчиком, ожидая, когда тот начнет прицеливаться. Модель я опознал сразу – простой и надежный комплекс с системой наведения. Он не оставлял и тени шанса, что сектант промахнется.

За секунду до выстрела, увидев, как загорелся зеленый диод системы захвата цели, я скомандовал Стефану:

– Прыгай!

Тот, судорожно сжимая рычаги управления, давил их вперед и не сразу отреагировал. Потом оглянулся, как если бы я сидел у него за плечом, сообразил, что там меня нет, и как-то сразу собрался. Сунул руку в седельную сумку и, оттолкнувшись ногами от упоров, выбросил свое тело с байка.

Доли секунды, пока сила тяжести и ускорение разносили в стороны человека и механизм, я молился, чтобы целью самонаводящаяся ракета выбрала байк. Он ведь крупнее, микроскопическим электронным мозгам снаряда должно казаться, что это и есть приоритетная цель. Если я ошибся, то эта мысль и станет для меня последней.

Будучи цифровой личностью, копией личности, точнее, я относился к своей возможной скорой смерти спокойно. Я знал, что тело того, кто дал мне образ мыслей и опыт, уже

легло в землю, а душа отправилась на встречу с Господом и ангелами Его. И понимал, что рано или поздно сознание мое погаснет. А после не будет ничего – просто темнота экрана выключенного устройства.

Другое дело – Стефан. Он человек из плоти и крови, душа живая. От мыслей о его возможной гибели я приходил в ярость. А еще меня пугала неопределенность исхода в случае его смерти. Не получится ли, что после его смерти обесценятся все достижения Ассамблеи на Земле и за ее пределами? Не станут ли снова демоны охотниками, безбоязненно приходящими в свои уголья, чтобы пировать свежей плотью? И все, над чем трудится сейчас уже третье поколение граничников, станет пеплом и золой.

Грохот взрыва ударил, когда Стефан коснулся плечом земли и покатился, гася инерцию. Явно на мышечной памяти действовал, такому я пацана еще не успел научить. Она нас и спасла, не дала мальчишке свернуть шею в прыжке с разогнавшегося гравицикла. Но повреждений он все равно не избежал. Одна из колоний нанитов сообщила о трещине в ребре, а другая – о растяжении широчайшей мышцы.

– Слава Тебе! – поблагодарил я Творца за чудесное избавление моего воспитанника от смерти. И командным голосом рявкнул: – Почему замешкался? Зачем полез в сумку?

Вместо ответа Стефан поднял на уровень глаз пистолет-пулемет. Вот паршивец! Успел-таки!

– Проверка снаряжения...

Сектанты были еще далеко, метрах в двухстах, так что время у нас было.

– Пистолет, с полным магазином – запасного нет, – принялся перечислять воспитанник. Делал он это до того деловитым голосом, что я на миг даже подумал, что память Стефа вернулась. Следующая фраза эту надежду разрушила. – А это импульсник или пулевик?

Все тот же мальчик. Знающий то, что знает ребенок из общины, но не более того.

– Пулевик. Импульсник в другой сумке лежал. Переведи оружие в режим одиночного огня – патронов немного. Гранаты?

– Светошумовая и плазменная.

– Квач?

– За спиной. Еще метатель на левой руке, тут крепление болтается.

– Сними его пока, он разряжен. Но и без него хорошо. Может, и отобьемся.

– Ты чего, Оли! Надо бежать! Их слишком много! – всю деловитость с пацана сдуло ветром. Сразу же стало понятно, что чуда не произойдет и память о шестнадцати годах прожитой жизни не вернется к нему. А было бы славно.

– У них только оружие ближнего боя, а у нас гранаты, пистолет и квач. Так что шансы есть. Если, конечно, у них не обнаружится еще сюрпризов вроде того гранатомета.

Говоря с воспитанником, я продолжал наблюдать за

людьми, бегущими к нам, с парящего в небе дрона. Двигались сектанты быстро – преодолели уже половину дистанции – и вели себя уверенно. Наверняка считали, что если даже не убили Стража, то оглушили его. И возьмут тепленьким.

– Не вставая, на четвереньках, смещаемся влево, – командовал я. И, осознав, что мальчишка замер в ступоре, рывкнул: – Стеф! Делай, что я говорю, и останешься жив!

– Д-да!

– Пошел. Налево.

Слуги демонов наводились на дымящийся остов байка, а мы, наоборот, убирались от него подальше. И одновременно двигались им навстречу. К моменту, когда сектанты достигли места падения машины, Стефан вышел на их правый фланг.

Он старался быть смелым, этот доставшийся мне вместо опытного Стража паренек. По сообщениям датчиков, его просто лихорадило от страха, но он держался за мой голос и выполнял команды. С некоторой задержкой, как порой с дронами бывает, когда блок приема-передачи сбоит. Но выполнял! А когда начал действовать, и вовсе превратился на короткое время в прежнего Стефа, который живет, чтобы сражаться со Злом, и всегда готов к встрече с Всевышним.

Пока сектанты оглядывались, пытаюсь сообразить, куда взрыв мог отбросить тело Стража, тот поднялся на ноги и бросил в их гущу шар светошумовой гранаты. За миг до этого я поднял дрона на максимальную высоту, чтобы не по-

терять последний – вспышка выжигала оптику так же качественно, как и превращала глаза в незрячие бельма. Мальчишка же упал лицом в землю и лежал смиренхонько до тех пор, пока боеприпас не сработал. После чего, повинувшись моей команде, вскочил и принялся расстреливать врагов из пистолета.

Мазал он так, что на это было больно смотреть. Не меньше половины выстрелов уходили куда угодно, но не в тела отступников. Часть их все же цели достигали: один, второй, третий – ослепленные и дезориентированные бандиты падали на землю мертвыми или ранеными. Но, конечно, такое везение не могло продолжаться долго. К моменту, когда пистолет сократил количество врагов вполовину, они пришли в себя и бросились на воспитанника.

– Тело знает! – в последний раз напомнил я ему. – Поверь. Как в Господа веруешь – поверь в то, что ты это можешь!

А потом стало не до того. Сразу четверо сектантов налетели на мальчишку.

Вблизи они выглядели дикарями. Такими, какими и были все люди на Земле и в колониях до того, как Церковь нашла выход. Грязные, дурно пахнущие, в одеждах из шкур животных и какого-то невразумительного тряпья, они смотрелись одновременно страшно и жалко. Но были полны желания убить моего Стефа, а к этому с пониманием я никак не мог отнестись.

Первый удар короткого копья воспитанник пропустил.

Слова – одно, а дела – совсем другое. Можно сколько угодно верить в память тела, которое годами изнурялось жестокими тренировками, но сознание одиннадцатилетнего мальчишки не было готово принять это вот так сразу. Подозреваю, рассудочно он был уверен, что все происходящее с ним сейчас не более чем сон, от которого можно избавиться, если сильно закричать и проснуться.

К счастью, острое копьё из кости было нацелено плохо – сказывалось действие светозумовой гранаты. Оно лишь скользнуло по груди Стража и не смогло пробить тонкую, но очень прочную куртку. Не броню, конечно, броня движение стесняет, и мало кто из граничников таковой пользовался. Но от таких ударов и таким оружием полевая военная форма со складов из прошлого могла уберечь.

Стефан вскрикнул, совершенно по-мальчишечьи, хотя голос и принадлежал почти тридцатилетнему мужчине. Зарычал и взмахом квача перерубил древко копьё вместе с рукой сектанта. А после, наконец, отпустив рассудком знающее, что делать, тело, пошел пластать отступников, практически не встречая сопротивления.

Первого, который остался без оружия и руки, визжащего, как хряк в ноябре, заколол в сердце. Увернулся от удара дубины второго и, используя инерцию разворота, локтем в висок сбил его с ног. Третьего просто развалил чуть ли не надвое вместе с выставленным для защиты ржавым железным тесаком. Четвертый, стоявший дальше всех, развернулся и

бросился бежать.

К этому времени стали подниматься на ноги и приходиться себя те, кто от взрыва гранаты пострадал больше. Стефан не дал им даже тени шанса. Скачками – иначе и не скажешь – носился от одного к другому и увлеченно лишал сектантов жизни. Только последнего, услышав мои слова сквозь шум крови в голове, пощадил – оглушил рукоятью.

– Отличная работа, Страж! – похвалил я его, когда он закончил и принялся бродить среди трупов, выискивая тех, кто мог выжить.

Похвалил, а сам скривился. Перебить горстку дикарей, имея качественное превосходство в вооружении – невелика заслуга для граничника. Но для одиннадцатилетнего мальчугана и это подвиг.

– Поверил, что можешь? – уточнил я.

– Я представил, что это сон, – отозвался тот, все еще возбужденно дыша. – А во сне же все бывает.

Вот те на! Пластична детская психика, нечего сказать. Я со своими «верь в себя, как в Господа!», а он просто представил, что все вокруг сон, а он в этом сне непобедимый воин Христов. И нет ему равных.

– Правильно сделал, – но это мнение при заседании епархиальной коллегии, когда мы до нее доберемся, я озвучивать не буду. – Так и впредь поступай.

Я заставил дрона описать вокруг нашей позиции широкий круг, чтобы убедиться в отсутствии других врагов. Никто не

подкрадывался, не таился – все, сколько их было, сектанты лежали перед нами.

– Добей тех, кто еще дышит. И сделай это ножом, что у тебя на голени укреплен – береги заряд квача. Нам теперь без транспорта до Новгорода долго добираться.

Одиннадцать мертвых тел Стефан аккуратно сложил в курган, а последнего живого мы быстренько допросили. Посадили спиной к остову потушенного байка так, чтобы он смотрел прямо на тела своих товарищей, и стали задавать вопросы.

Пришедший в себя бандит запираяться не стал. Некоторое время, конечно, потратил на проклятия и угрозы, а после парочки зуботычин сломался и вывалил все, что знал. Я, по мере его рассказа, мрачнел все больше и больше.

С другой стороны, а чего я ждал? Едва только гранатомет увидел, как все сразу понятно стало. Сам обнаружить нас Золотоголовый не мог – не по зубам демону углядеть человека, верой укрытого. Вот и поднял рабов своих, всех, до кого дотянуться смог.

То есть с самим-то Высшим отступники не встречались, много чести для такого сброда. Но демон из низших к ним приходил, и не только к этим, да. Он и указал, где можно найти древнее оружие, и приблизительное направление нашего движения. Обещал, в случае удачи, озолотить сектантов дарами: образцами технологий прошлого и собственной магией. Это сделало бы их ватагу самой сильной в этой глу-

ши, остальных бы силой привели к покорности, но не сложилось. Мальчик в теле Стража убедил себя в том, что спит и снится ему, как он стал Стражем, сильным и быстрым.

– Давай-ка проверим, Стефан, что осталось целым после взрыва байка. Для нас теперь каждая мелочь может стать спасением.

От руин Перми мы удалились едва ли километров на семьдесят. Сверившись в очередной раз с картой, я пришел к выводу, что нам следует немного сменить направление, чтобы еще километров через пятьдесят выйти к ближайшей общине, которая тут обитала. Синие Глины – так называлось село до прихода Ассамблеи, ныне же – Малахия, в честь ветхозаветного пророка. Обитало там, согласно переписи, почти семь сотен душ постоянного населения, а еще множество охотников, которые туда заходили, чтобы обменять добычу на припасы.

Это было самое крупное поселение в окрестных землях, и, разумеется, там имелся пост Граничной Стражи. Даже не пост – представительство. В наличии были также жрецы гражданской ветви Ассамблеи, те, которые больше занимались спасением душ, чем тел. Ранее я не хотел делать крюк и заезжать туда. Считал, что это бы стало потерей времени. Пока убедишь малахийцев в том, что говорю правду, пока те голубя отправят в епархию – сам быстрее доеду и весть доведу.

Сейчас же это рисовалось мне единственным вариантом. Пусть два дня мы туда будем добираться, и еще столько же, скорее всего, мне придется потратить, чтобы достучаться до провинциальных управителей, но это всяко быстрее выйдет, чем пешком отмахать почти тысячу километров. Да и безопаснее мне с людьми будет. Не станет же Золотоголовый открывать десятки Разломов вокруг Малахии, чтобы добратся до моего воспитанника.

Шагал Стефан бодро, с легкостью неся на плечах то небольшое, что нам удалось собрать после нападения сектантов. Запасы еды дня на три, воды на день, но последнее проблемой не было – близ Камы полно притоков и ручьев. Еще удалось спасти походную постель, батареи для квача в хорошо экранированном и защищенном от ударов боксе. А вот кофр с рельсотроном взрывом повредило, как и саму винтовку внутри. Редкое и мощное оружие пришлось доломать, извлечь нужные запчасти и оставить на месте крушения.

Большая часть датчиков, как и элементов питания к ним, сгорели или были деформированы взрывом. Из оружия Стефану остался пистолет, снова полностью заряженный и имеющий также два запасных магазина, разряженный метатель, квач, одна дымовая и одна плазменная граната. Выходить с таким снаряжением в поход против всех демонов Ада я бы не стал, но выбора нам никто не оставил. Может, удастся разжиться имуществом, когда доберемся до общины, чем-то же с нами поделятся граничники?

К вечеру, едва начало темнеть, я скомандовал конец пути и стал с помощью мальчишки готовить лагерь к ночевке. В этот раз пришлось использовать одну лишь соль и большой запас посеребренной проволоки. И спать потом вполглаза, поскольку больше никакого «алярма» с внешнего датчика я не получу. Единственного дрона-разведчика и того пришлось выключить, чтобы сэкономить ресурс, – днем в нем нужда больше, чем ночью.

Перед отбоем я прогнал воспитанника, вооруженного сухой веткой, через серию тренировочных поединков с тенью. Двигался тот словно корова на льду, но лишь до тех пор, пока не ловил какой-то неуловимый момент погружения, будто бы восстанавливающий его контроль над телом на прежнем уровне. С этим нужно было что-то делать: не было у нас времени на раскачку, а следующий пропущенный удар мог быть совершен не куском заточенной кости, а острой сталью или того хуже – пулей. Но вот что именно делать и как заставить мальчишку превратиться в мангуста сразу, а не дожидаясь включения памяти тела, я не понимал.

– Оли, – позвал Стефан уже из-под одеяла. – А видео будешь сегодня показывать?

Вот ведь! Я со всеми этими заботами и забыл уже, что обещал парню устроить урок настоящей истории. А он, смотри, вспомнил. Несмотря на то, что сегодня испытать пришлось.

– Довольно для каждого дня своей заботы, – в ответ я процитировал ему Матфея. Выдержка из Евангелия, на мой

взгляд, подходила к случаю как нельзя лучше.

– Пусть слова ваши будут: да, да; нет, нет, – отозвался шельмец фразой Иисуса из Нагорной проповеди. Вот ведь... собачонок!

– Чему б вас толковому учили в ваших приходах, а не со старшими спорить, – проворчал я.

– Обещал же.

– Стеф... Стефан, там очень непростое видео. Можно сказать – страшное. Ты после такого дня хочешь, чтобы тебе кошмары ночью снились?

– Все равно же придется, – мальчишка произнес это с какой-то взрослой обреченностью.

– Тоже верно.

Пришлось признать правоту воспитанника. И в очередной раз восхититься, каким стойким был мой Стеф даже в малолетстве.

– Тогда глаза закрывай. Сейчас появятся светящиеся пятна, поводи зрачками, глаз не открывая. Двигутся вслед за зрачками?

– Ага!

– Хорошо. Попривыкни. Теперь что видно?

– Рожицу. Как палкой на песке нарисованную.

– Так и должно быть, значит, все нормально прошло.

– Ой, я лечу! Ой, мамочки, я высоко!

– Это вид с камеры одного из спутников. Картинка будет меняться, все, что произошло, будет показано с разных ра-

курсов. И... постарайся не кричать, ладно?

6

Берит сузил глаза и шумно засопел. Впитал в себя место, куда его перенесло, и засопел еще громче. Наконец разглядел за окружавшей его пеленой трон, после чего гордо выпрямился и положил левые руки на рукоять меча. Даже встречая вышестоящего, Лорд остается Лордом. Он не кланяется. Максимум – подчиняется. Но и это право – требовать от него подчинения – следовало еще заслужить.

Призвавший его Заган имел такое право. И даже факт того, что Заган вовлек его в игру, которая Бериту не нравилась, ничего не менял. Ему не оставили выбора, впрочем, Короли никогда и никому не оставляли выбора, иначе что бы это были за Короли?

– Ты явился с поспешностью, – сказал Заган.

Он старался подчеркивать зависимость Берита. Каждым словом. Каждым жестом. Всегда. На этом держалась демоническая иерархия – правит сильный, а не правый. Случись Бериту оказаться на месте Загана – ах, какая сладкая фантазия! – именно он бы тогда давил Короля Силой. А тот бы держался так, словно в задницу ему вставили копьё Михаила, но делал вид, что это не доставляет ему никакого неудобства. Однако Заган был Престолом, а Берит – Господством. Чин нельзя было изменить до Падения, сейчас же – возможно, пусть и невероятно трудно. Берит не оставлял надежды

и продолжал работать над этим.

– Ты призвал, и я явился, – ответил он, сохраняя на лице отсутствующее выражение.

– Твоя преданность льстит нам, Герцог. Ты готов отчитаться?

– О чем, Король?

Пелена перед ним вспыхнула огнем. В лицо Бериту ударило таким жаром, что кого помельче могло бы и испепелить. Не его, конечно. Не Увенчанного Золотой Коронай Красногo Рыцаря Баал-Берита. Но доспехи нагрелись ощутимо.

– НЕ. ИГРАЙ. СО МНОЙ.

Ладони лишь сильнее охватили рукоять меча, а лицо осталось таким же бесстрастным.

– Лишь уточняя, Повелитель Тридцати Трех Легионов. Ты дал мне столько заданий, что я могу ошибиться с ответом.

Пелена погасла, снова сделавшись едва различимой преградой между Королем и Герцогом. Но осталась столь же непроницаемой, как и прежде. Нечего было и думать, чтобы вырваться из нее, пока Заган не позволит. Голова быка, увенчанная короной из трех разросшихся рогов, приблизилась. Крылья грифона прошли совсем рядом. Миг – и демонический облик Короля сменился человеческим. За пеленой стоял мужчина, возраст которого нельзя было определить, с гладкой кожей и красными глазами. Прекрасный и ужасный одновременно.

– Я желал узнать, удалось ли тебе исторгнуть душу из человека и вселить в него низшего? Об этом задании я хотел бы услышать отчет.

Одержимость как оружие. Раньше Короли не думали об уловках, верили, что Силы достаточно. Теперь же – ах-ах! – им приходится импровизировать! Не самим, понятное дело, для такого нужен разум изворотливый.

– Да, – твердо ответил Берит. – И оба человека были теми, которые называют себя Стражами.

О том, что первая попытка провалилась, он сообщать не собирался. Он же добился успеха? Добился! А значит, неудачи не было. Нужно лишь грамотно подкорректировать последствия, чтобы об этом никто и никогда не узнал.

Конечно, Заган ему не поверит на слово – не зря же одно из имен их правителя – Отец Лжи. Каков отец, таковы и дети, так что о доверии не могло быть и речи. Он проверит. А значит, заметать следы провала нужно тщательнее.

– И? – поторопил его Король. – Ты дал им поручение?

– Я лишь испытываю их. Мне еще неизвестно, как долго низшие духи смогут оставаться в телах *таких* смертных. Велел оставаться на месте и уничтожать всех, кто заподозрит неладное. То есть всех.

О том, что оба низших уже погибли, он тоже не собирался сообщать. Ему же не было известно, «как долго они могут оставаться в телах смертных».

Человек за пеленой мягко улыбнулся. Понимающе. Как

отец не обделенному талантами сыну.

«Копирует манеру Правителя!» – оскалился внутри себя Берит. Внешне же ничем не выдал своих мыслей, только едва заметно качнул головой, принимая невысказанную похвалу.

– Мы хотим, чтобы ты продолжил, Герцог. Мы хотим больше сосудов для низших. Из *этих*. Они стали докучать нам.

«Они стали докучать нам! – про себя передразнил Король Берит. – Да они лупят вас везде последние полвека! Вы ничего не можете с ними поделать, вот и призвали того, кто никогда не желал превращать очередной мир в филиал Присподней! Тупые кровожадные создания! Не знающие ничего об изысканности и утонченности! Все, на что у вас хватило воображения – вырезать половину человечества самыми ужасными способами, чтобы оставшаяся в живых тряслась от ужаса! Хоть ты и создан Престолом, мой дорогой Король, ты не напрасно находишься в третьем круге, а не в первом!»

– Конечно. Мы работаем над этим. Вскоре я вернусь с хорошими новостями.

Намек более чем прозрачный – сними проклятую Пелену. Мне надо работать, но, если хочешь, ты можешь еще немного поунижать меня. Только... не скажется ли это на настроении Правителя? Впрочем, решай сам. Ты в Силе. Пока.

Заган снова расплылся в улыбке.

– Ты можешь идти, Герцог. Мы ждем результатов.

«Царь обезьян! – с презрением подумал Берит. – Ты не

имеешь ничего своего, только и можешь копировать повадки других!»

Пелена исчезла, и Золотоголовый тут же закрутил вокруг себя огненный саван портала, выйдя из него уже в собственной резиденции. В реальности, а не в Преисподней. Короли могут сколько угодно твердить о том, что низвергнутые должны оставаться в своей сфере, но в мире людей ему было комфортнее. Всего-то и требовалось – воссоздать из небытия один из критских дворцов – протоэллинская культура людей нравилась ему больше прочих.

К нему тут же подскочила невольница. Молоденькая, в любимом им возрасте, стоящая на границе между девочкой и женщиной. Упала на колени, подняв над головой золотой таз с розовой водой. Герцог велел алым доспехам измениться, превратив их в того же цвета хитон, поверх которого легшитый золотом гиматий. Омочил кисти в воде и ласково потрепал девушку по щеке.

Вот так должна выглядеть победа – превращение смертных в послушных, жаждущих угодить тебе рабов. В том, что устроили на Земле Короли, не было никакой красоты и изыска – одни лишь дурно пахнущие дикари!

Пройдя по террасе над морем, он остановился в комнате с ложем в центре. Возлег и наконец смог расслабиться под умелыми руками рабынь. Разум его все еще терзала ярость, порожденная воспоминаниями о встрече с Заганом, но вскоре она ушла. Мысли его обратились к куда более приятным

материям – к планам на будущее.

Триста двадцать семь лет назад по времени смертных Короли смогли добиться снятия Печатей. Подробности Берит не знал, да и не интересовался особенно, но отлично помнил, как Первый среди Низвергнутых пошел на поводу у тех, кто желал залить реальность кровью. Махнул рукой и уселся наблюдать.

Сперва, говорят, увиденное радовало Люцифера. Недолго – вскоре примитивные развлечения низших, управляемых лишенными воображения Князьями и Владыками, ему наскучили. Но он все равно оставался довольным – любимые игрушки Творца превратились в диких зверей, а значит, Великий План, о котором столько говорили и воплощения которого так боялся Правитель, рассыпался, как прогоревшее полено.

Миг – всего пару столетий – так и было. А затем смертные вновь преподнесли сюрприз, которыми так славились во всех Сферах. И вот уже Короли требуют помощи. Пока требуют, но вскоре будут умолять о ней. У самих воображения не хватит исправить содеянное. Правитель приказал Бериту не отказывать Загану и его друзьям из третьего круга. Герцог же решил использовать данную ситуацию для собственного возвышения.

Низшие демоны от сотворения мира могли вторгаться в нечистые человеческие тела. Захватывать власть над ними, превращать в одержимых, жаждущих крови и прочих удо-

вольствий. Герцог решил развить эту возможность, довести ее до совершенства, а в качестве целей для духов избрал тех, кто охранял овец от волков. Стражей, этих несносно горделивых воинов Сына.

В этом была ирония и стиль. Ударить противника его же рукой. Заставить бояться тех, кто бормочет «лишь на Тебя уповаю!». Показать, что никто не способен защититься от вторжения, сколько ни тверди молитвы.

Одновременно с этим еще нужно было Королей унижить, при этом так, чтобы на их фоне вознестись. И посмотрим тогда, как крепка Пелена Загана!

Улыбка тронула полные губы Берита. Пальцем, превратившимся в коготь, он провел по бедру одной из массажисток, с наслаждением вдыхая запах крови и страха, в то время как обе ладошки девушки продолжили разминать ему плечи.

Полная синхронизация наставителя и Стража, вот что это было. Я не показывал видео. Я вместе со Стефаном смотрел его. Или, точнее, обращался к собственной памяти, куда была помещена запись, и воспитанник смотрел ее вместе со мной.

Фильм – так это называлось. Склеенный из множества фрагментов и ставший цельным видеоряд, в котором демонстрировалась история падения человечества. И начиналась эта история с Огненного Дождя.

Входя в атмосферу и тотчас вспыхивая, на Землю падали сотни космических кораблей. Больших и малых, навечно прикованных к низким орбитам, где и были созданы, и собранные для бесконечного челночного движения. Их защитные системы были отключены или уничтожены, и они действительно напоминали дождь из пламени, который Создатель обрушил на головы своих беспечных детей.

Тогда, в первый день, никто не знал, что практически одновременно в каждом из кораблей, на каждой из огромных, снабженных искусственной гравитацией и воздухом орбитальных станций открылись Разломы. Тысячи Разломов, из которых внутрь хлынули сотни тысяч демонов, круша все на своем пути и убивая всех, не важно, оказывали те сопротивление или нет.

Это выяснилось к вечеру первого дня, когда специалисты отсмотрели сотни часов видеозаписей и километры записей бортовых систем. Уже после того, как Огненный Дождь обрушился на города и поселения людей. Демонов внутри падающих кораблей, естественно, не было.

И вывод, который сделали силы орбитальной обороны, был для них совершенно очевидным – на землян напали инопланетяне. Те самые злобные твари или братья по разуму, – зависит от точки зрения, – встречи с которыми люди всегда жаждали и одновременно боялись. Как люди, покорившие атом, сделавшие Марс пригодным для жизни, а над Европой построившие парящие города-платформы, могли поверить в то, что их атакует сам Ад? В двадцать седьмом веке от рождения Христова уже не осталось места для мифов прошлого.

Но попытка связаться с флотом, который можно было мобилизовать для защиты колыбели человечества, равно как и с прочими колониями в системе, ни к чему не привела. Словно их внезапно не стало. Паникующие люди попытались организовать сопротивление вторжению силами планетарной обороны, но она не продержалась и дня.

К исходу первых суток Разломы стали открываться уже на поверхности планеты. Множество огромных inferнальных врат, выплевывающих в нашу реальность орды тварей, описать которых не способен был и самый талантливый рассказчик. Некоторые походили на что-то знакомое – Ящеры, Крысы и Гончие. Других, которых позже стали называть Князья-

ми и Владыками, воображение людей того времени отказывалось воспринимать как нечто цельное. Комья слизи, колонии щупалец, зубастых пастей и звериных глаз.

Даже сейчас, в записи, смотреть на этих тварей без содрогания было невозможно. А если прибавить к этому волны ужаса, которые они распространяли, становилось понятно, почему демоны так легко поставили на колени цивилизацию, освоившую всю Солнечную систему.

Кадры сменялись один за другим, демонстрируя картины избиения человечества. Отрезанного от космоса, вновь запертого на родной планете, не понимающего, что происходит, и от этого, вероятно, не способного оказать какое бы то ни было сопротивление.

Нет, люди, конечно, не сразу легли на кровавые алтари. Планетарные вооруженные силы поднимали в воздух летательные аппараты, бросали в бой тяжелую технику и пехоту. Многие сражались: полиция, войска специального назначения, обычные обыватели. Но большая часть из них лишь продавала свои жизни подороже, и к концу дня стало понятно, что битва, едва начавшись, проиграна. Второй день много позже назвали днем Открытия Разломов.

План снова сменился – день третий. Теперь камеры уличного наблюдения и внутренней безопасности отдельных зданий фиксировали процесс Дикой Охоты. Объективы бесстрастно снимали, как множество небольших охотничьих партий демонов, состоящих, как правило, из Гончих и Крыс,

искали попрытавшихся или догоняли бегущих людей. Их не убивали – сразу. Гоня, словно скот, полосуюя шипастыми бичами, их гнали на площади и там...

Этому не было слова ни в одном из человеческих языков. Как назвать избиение сотен тысяч человек, если не миллионов, происходящее по всей планете? Их разрывали на части, резали, пожирали, пили кровь. Их сжигали в фонтанах вырывающегося из-под земли огня, варили в кипятке и в масле, сдирали кожу, а под конец дня начали резать на жертвенниках. Причем делали это уже не демоны.

Князья и Владыки лишь смотрели, низшие твари только охраняли, а ножи из черного металла были в руках у людей. Сломленных, запуганных или просто признавших власть новых хозяев. Тех, которых позже стали называть Темными Слугами – жрецами демонов.

Именно они во второй раз залили землю кровью. На их жертвенниках расстались с жизнью не меньше людей, чем во время дня Открытия Разломов. А ведь человечество тогда было многочисленно, только на Земле проживало около двадцати миллиардов.

Потоки крови лились три дня – камеры, которые никто и не подумал выключать, продолжали снимать эту мерзкую жатву. К исходу шестого дня после Вторжения они зафиксировали первые проявления магии. Черную волшбу, полученную Темными Слугами от своих господ. Ритуалы, для которых требовались подчас жизни сотен людей. Магия дарова-

ла жрецам могущество, и они стали править остатками запуганного человечества.

А демоны ушли. В седьмой день на Земле не зафиксировали ни одного Разлома, ни одной охоты и ни одного жертвоприношения. Может быть, они где-то и совершались, невидимые для объективов, но, скорее всего, нет. Слишком прямая была аллюзия на Акт Творения. Вывернутая наизнанку, как и все, что делал Враг рода человеческого.

С восьмого дня все продолжилось, но уже в куда меньших масштабах. Демоны бродили по планете, как по гигантскому супермаркету – были такие большие торговые лавки, в которых можно было купить все что угодно. Они уже не резали свой скот просто так – выбирали. Зачастую устраивали за каждой своей жертвой охоту, в результате которой было не вполне понятно, умирал человек от ужаса или потому что хребет ему ломала когтистая лапа адской твари.

Причем в основном это делали низшие. Высшая каста демонов появлялась в нашей реальности редко, зато в их честь на алтарях в муках расставались с жизнями сотни людей в день. Темные Слуги становились могущественнее с каждым днем и щедро платили за дарованную силу.

Этот период стал началом Темных веков. Временем, когда Земля, а скорее всего, и все ее колонии, превратились для демонов одновременно в охотничьи угодья и игровую площадку. Люди ушли из городов, стали жить в лесах и горах. Немногие прятались, большинство же предпочитало от-

давать в жертву относительному спокойствию жизнь своих близких. Что, впрочем, не являлось гарантией безопасности.

Дальше системы видеонаблюдения не заглядывали. Сломались или были обесточены. Да и люди больше не появлялись там, где они были установлены. И поэтому в самом конце образовательного видео шли картинки того прошлого, что мы потеряли.

Величественные города, где здания из стали и стекла взмывали к небесам, подобно множеству вавилонских башен. Огромные космические корабли, пересекающие тьму космоса. Сады в пониженной гравитации лунных поселений. Терраформированный Марс. Парящие над поверхностью Венеры жилые модули. Кольцо вокруг Цереры, внутри которого жили люди. Все, чего наша цивилизация достигла и чего лишилась.

Затем изображение перед внутренним взором Стефана сделалось статичным, показывая застывший посреди тьмы светящийся крест. Голос диктора перешел к тому, как несколько выживших и сохранивших веру во времена Темных веков священников обнаружили, что способны изгонять демонов и закрывать Разломы. Причем так закрывать, чтобы в месте, очищенном от скверны, они впредь никогда не открывались. О том, как они тайно собирали единомышленников, создавали первые безопасные поселения, вооружали первых Стражей оружием прошлого.

Голос рассказывал о подвигах веры, которые совершили

первые Святые Воины, об их жертве – почти все они погибли в сражениях с демонами, и о надежде, которую они подарили человечеству. Крохотные ростки жизни, взламывающие окаменевшую от горя, крови и страха землю – вот кем они были.

Видео ничего не говорило о том, как Церкви удалось это сделать. Подобное считалось тайной и оберегалось с невероятным тщанием. Мирянам, да и низшим чинам, вроде нас со Стефаном, достаточно было такого объяснения – вера и оружие. К тому же по большому счету так и было.

Потом стих голос, погас крест, и наступила тишина, которую нарушал только глухой вой. Стефан плакал. Текли слезы из его закрытых глаз. Сдавленные рыдания душили грудь. В горле стоял ком, а нос был заложен. Все это я фиксировал датчиками медбота, активировав его на всякий случай, – вдруг понадобится дать мальчишке успокоительное. В училищах видео показывали под присмотром медиков – слишком уж яркие образы оно демонстрировало. Полагаю, я был первым наставителем, который решил дать своему воспитаннику представление о реальной истории нашего вида в полевых условиях.

Я не мешал Стефану. Не успокаивал его и не ободрял. Он должен понять и прочувствовать все, что произошло триста лет назад. Избавиться от своих детских воззрений на прошлое, чтобы затем восстать и работать на будущее. Чтобы оно было.

Жестоко? Да. Но мир жесток. И в нем очень непросто выжить. Особенно когда оказался за пределами общины.

Понимая, что образовательный ролик полон пробелов, я ждал его вопросов. И дождался их спустя девять минут.

– Они были такими сильными... – подавив очередной всхлип, произнес Стефан.

– Да.

– Почему они не сражались?

– Они разучились. Их жизнь была похожа на рай, все, что они могли придумать, можно было получить просто так или за деньги. Они разучились бороться и застыли в своем счастье, как муха в меду. Только представь – вся Солнечная система, все ее ресурсы и возможности работали лишь на то, чтобы они вкусно ели, развлекались и придумывали новые способы удивить друг друга. Они перестали быть людьми задолго до того, как демоны сделали их скотом.

– Но у них было оружие!

– Человек – оружие. Его вера – и щит, и меч. Остальное – лишь технические приспособления. С ними может быть проще и легче, но без основы, без стержня, они не более чем холодное железо. Знаешь ведь, как в Священном Писании зовется человек? Душа живая. Их души были мертвы до того, как слуги Сатаны погубили вместилища.

Стефан молчал. Всхлипывал все реже и реже. А потом уснул. На это я и рассчитывал. Детская психика и ее защитные механизмы, хвала Создателю. А еще он так и не спросил,

как случилось, что демоны вдруг вышли из преисподней и обрушились на человечество. Еще спросит, конечно. Только вот однозначного ответа на его вопрос я дать не смогу. Да и никто не сможет. Мнений на сей счет, естественно, очень много, но вот с фактами – не очень. Ассамблея многое смогла восстановить, но далеко не все.

Он спал, а я охранял его сон. Слушал звуки ночного леса через немногочисленные датчики и размышлял. Не о том, что делать дальше – это был решенный вопрос. О прошлом. О том, как свет двадцать седьмого века сменился Темными веками, о которых мы почти ничего не помним. И о том, удастся ли нам когда-нибудь вернуть Землю себе.

Сейчас Ассамблея контролировала и могла назвать спокойными только территории Восточной Европы. Там люди жили в относительной безопасности, там уже более семидесяти лет не открывался ни один Разлом, а рожденные там дети считали демонов сказками, которыми матери пугают, добиваясь послушания. В кресте четырех епархий – Питерской, Киевской, Нижегородской и Гданьской – общинники по-прежнему посыпали солью дверные пороги и кропили окна святой водой, но больше по привычке, чем реально опасаясь появления inferнальных тварей.

Только московская зона – сам древний, лежащий в руинах, мегаполис и его окрестности – по-прежнему являлась опасной землей. Слишком много зла там было совершено, слишком много пролилось крови. И слишком сильны были

закрепившиеся там Темные Слуги. Но придет и их час.

За пределами же четырех епархий и того, что находилось внутри их границ, как и раньше, располагались охотничьи угодья демонов. Ближе к Кресту – поменьше, дальше – больше. На Сибирь Ассамблея уже нацелилась, выстроила редкую цепочку стационарных постов и почти безопасных поселений, вроде Синих Глин, но работы предстояло еще очень много. Нужно было не только запечатать все открытые Темными Слугами Врата, но и очистить саму землю, чтобы сделать невозможным появление Разломов. Восстанавливать всегда сложнее и дольше, чем терять.

Я настолько погрузился в эти свои думы, что только ветка, хрустнувшая под чьей-то ногой метрах в пятидесяти от нашей стоянки, вернула меня в реальность. В доли секунды проанализировав звук, направление, силу ветра и температуру, я пришел к выводу, что к нам движутся два человека. Через несколько секунд, подняв в воздух заряжавшийся дрон, я уже видел их. Они крались к нам, четко зная при этом, где находится лагерь.

Мальчишка и трех часов не проспал. Жаль его будить, но не умирать же ему по причине моей сердобольности. Сиреной вырвал его из забытья, тут же заговорил:

– Тихо. Ничего не говори, не спрашивай. Тридцать метров к северу от тебя – не туда смотришь, левее! – два человека. Идут скрытно, где мы находимся, скорее всего, знают. Возможно, разведчики сектантов, смогли пройти по следу. Или

кто-то из Темных поисковую магию задействовал. Не двигайся, просто повернись так, чтобы квач достать. Жди моего сигнала.

К чести Стефана, он не задал ни одного вопроса. Только кивнул и, немного переигрывая, зевнул. Потом поворхался, в результате чего ладонь оказалась прямо на рукояти лежащего рядом оружия.

– Я сейчас активирую ночное зрение. Шагов на двадцать будешь видеть все как днем, только без цветов. С непривычки может затошнить – сдержись, Христа ради.

Неизвестные как раз приблизились на это расстояние. Сели за кустарником и тихим шепотом, неслышным для человека на таком расстоянии, но вполне разборчивым для дрона, что висел над их головами, принялись совещаться.

– ...да один он! И след один был.

– Може, ловушка, а? Може, Темных рабы нас подлавливают?

– Это кабы знали про нас...

– Може, волшебой нашли?

– Гринь, ты ж видел сечу. Страж это! Положил рабов и ушел.

– Може, и нет. Може, из рабов кто выжил и хоронится терь. Был бы Страж, нас засек бы за версту, знашь какая чуйка у них? А мы уже вон как подошли, а он дрыхнет.

– Или не дрыхнет.

– Може, и так. Давай чутка ближе. Только сторожно, а то

посекет еще.

Оба были мужчинами. По голосам – лет тридцати примерно. По лесу ходили тихо, только один раз хрустнувшей веточкой себя и выдали. Охотники, не сектанты. Скорее всего, не они. «Може», как говорил один из них. Все это я и довел до Стефана, пока ночные гости крались к нам поближе. И когда до тех осталось шагов десять, воспитанник, не вставая, произнес:

– Пригласил бы к костру, да нет его. Так выходите, не прячьтесь. Если не рабы Темных, то вреда не причиню.

Хорошо, что голос у него остался прежнего Стефа. Густой, чуть хрипловатый. Сейчас ему удалось даже воспроизвести его насмешливую интонацию.

– Или бегите – догонять не стану, – добавил он, следуя моим инструкциям, когда охотники не вышли из кустов. – Только поспать дайте, устал за день.

– Так ить немудрено, Страж! – донеслось в ответ из кустов. – Столько рабов Темных покрошить! Видели мы. Не серчай, что крались – места опасные. Выходим мы.

8

Прол и Гринь – это были настоящие имена ночных визитеров, а не прозвища или сокращения – действительно оказались охотниками, которые решили отправиться по нашим следам после того, как обнаружили побоище возле сгоревшего гравицикла. Будучи следопытами, бродящими по Диким Землям с момента, как научились ходить, они поняли, что Страж выжил и ему может понадобится помощь. И хотя были нехристями, вполне обоснованно рассчитывали на ответную благодарность с его стороны.

Нехристи. Можно сказать, еще одна сила, поднявшая голову после Темных веков. С ними Ассамблея держала вооруженный нейтралитет. Не преследовала, не обращала в истинную веру (не то чтобы не пробовала), не требовала отказаться от своих воззрений, хотя и не одобряла последние. Зато при необходимости пользовалась их услугами, ведь проводники по опасной территории из них выходили самые лучшие.

Они не верили в Господа, не почитали вообще никаких богов и уж совершенно точно не поклонялись нынешним хозяевам Земли – демонам. Напротив, с последними они враждовали и даже порой давали по зубам. Пусть и действовали не в таких масштабах, как Церковь.

Зная на опустошенных вторжением Землях каждый уго-

лок, нехристи могли появиться там, где их никто не ждет, нанести удар и раствориться, словно их и не было. Как правило, были они неплохо вооружены артефактами из прежних времен, кроме того, жизнь в условиях, когда воздух может поплыть и исторгнуть из себя адских тварей, развил во многих из них чутье. Особое, позволяющее предугадывать появление Разломов. А у некоторых, по неподтвержденным данным, появились способности, которые ранее встречались только у Темных Слуг. Магия.

Одного этого было достаточно, чтобы Ассамблея, считающая, что она одна должна обладать монополией на чудеса, относилась к нехристям с враждебностью. А ведь те были еще независимы, свободолюбивы и довольно зубасты, когда на их стиль жизни кто-то покушался.

Но жизнь не так проста, как хотелось бы иерархам Церкви, порой в ней приходится сотрудничать и с теми, кто тебе не очень нравится. Без проводников-нехристей Зауралье до сих пор оставалось бы вотчиной демонов. Все это я быстро рассказал Стефану, пока ночные гости подходили к стоянке и устраивались рядом.

Охотники были настроены к Стражу дружелюбно. С осторожностью, конечно, с готовностью быстро поменять свое отношение и действием это подтвердить. Но пока мы не давали повода к агрессии, они вели себя вполне достойно. Как путники, которые не желают никому зла, встретившиеся ночью в лесу с другими такими же.

– Ох и наделал ты там дел, Страж! – восхищенно пел Прол. – Сам-один такую прорву рабов Темных порубил! Вот прям *respektierung!*

Последнее слово – уважение – он произнес отчего-то на немецком языке. То ли был он ему родной – мало ли, то ли просто завел себе такую привычку умничать. Я, конечно, Стефану перевод сделал, а себе пометил – повнимательнее с ними. Слишком уж образованные для этих мест.

Прол был невысоким молодым мужчиной с сальными длинными волосами, торчащими из-под отороченной мехом енота шапки. Лицо его, совершенно обычное, читалось как открытая книга – все, что он говорил, отражалось на нем. Такой вот бесхитростный охотник, от которого никаких неожиданностей не ждешь. Если не приглядываться к глазам – умным и внимательным, которыми он поглядывал на Стефана.

Вооружен он был не как бог на душу положит, а вполне солидно. Винтовка в рост, причем какая-то странная, я упоминаю о подобных даже в архивах не встречал. На поясе, кроме кучи подсумков с различными охотничьими мелочами, висели два внушительных ножа, а в пластиковой кобуре на бедре – пистолет.

Его товарищ, любитель проглатывать окончания слов, выглядел совсем не так, как я его себе представлял, пока тот сидел в кустах. Поговору предполагал увидеть этакий дремучий валежник: борода лопатой, невысокого, но кряжистого лесовика. А вышел к лагерю классический «первый па-

рень на деревне». Выше среднего для мужчины роста, худощавый, но не до болезненности, с лицом... не знаю... мечтательно-одухотворенным, что ли? Он совершенно не походил на охотника, который большую часть своей жизни проводит в лесах, скорее уж на разбивателя женских сердец.

А еще у него были очень примечательные глаза. Большие, слегка даже, казалось, навывкате. Масляно поблескивающие в скудном свете небольшого костерка, который он же и развел, они, как ни странно, делали его еще привлекательнее.

Из оружия Гринь имел мощный гнутый лук в туле, который носил на поясе, а занявшись костром, прислонил к дереву. В ножнах на голени имелся короткий прямой нож, как и винтовка Прола – со старых складов. А еще носил броню – простеганный в несколько слоев кожаный нагрудник с металлическими бляхами и такие же пластины на плечах и бедрах. «Современный» новодел, к тому же не очень подходящий охотнику. От кого ему так защищаться? От оленей и коз?

– Чего тут сектанты забыли, а? – проворчал он. – Их тут нечасто встретишь. Восточнее держатся, километрах в ста пятидесяти от руин. Може, спецом за тобой пришли?

– За мной, – ответил Стефан, которому я рекомендовал быть в меру откровенным с нашими гостями. – С демонами неподалеку схлестнулся. Да еще обидел кого-то из Высших, вот он и злится.

– Обидел? – хохотнул Прол. – Обидел? Что ж ты учинил,

что они за тобой боевую ватагу рабов выслали? Да еще и вооружили гранатометом?

Вроде в тему, вроде шуточка, а я подобрался сразу и велел Стефану придержать язык. После чего озвучил ответ, который он должен произнести.

– А ты мне покажешь, где такую чудную винтовку нашел?

Улыбочка Прола стала кривой – понял, что зашел за грань. Кивнул, признавая правоту Стража, зло зыркнул на Гриня, который искренне хохотнул.

– Нет, а правда. Что за оружие? Пулевое? Импульсное?

– Игольник, – Прол ответил не очень охотно. – У вас что, нет таких?

– Не встречал еще. Хорошая винтовка?

– Дальнобойная. Урон не очень, но тут от боеприпаса зависит. И бесшумная, для таких, как мы, это важнее.

И тут же сменил тему.

– Так что, Страж? Какие планы? Нужна помощь?

Вот мы и подошли к делу. Нехристи – не добрые самаритяне, не просто так по следу граничника шли. Выгоду свою они всегда блюдут, а помощь представителю нижегородской епархии может быть полезной, ведь большая часть артефактов на складах у Ассамблеи лежит. Хотя, глядя на их снаряжение, я понимал, что и они могут кое-что достать.

– Смотря чем можете помочь.

– Смотря что ты хочешь.

– Добраться до Малахии. А оттуда до епархии. Мой транс-

порт уничтожен.

– Мы видели, да. А одному, да без байка, тебе тяжело придется.

– Скорее всего.

– Примешь помощь?

– Чем отдариваться придется?

– Десяток энергоячеек к квачу.

– А не жирно?

– В самый раз, мы ж не навязываемся.

Стефан кивнул. Едва шевеля губами, спросил у меня:

– Это много?

– Довольно-таки.

Исходно квач являлся стандартным элементом вооружения штурмовой пехоты на космических кораблях. Только там это оружие имело практический смысл, ведь стрелковое и энергетическое оружие могло повредить целостность корабля. До Темных веков люди ведь тоже не только в мире жили. Были политические фракции, были корпорации с частными армиями, защищающими их интересы. Землю это мало трогало, большая часть конфликтов происходила в космосе, на станциях и в колониях, где люди только начинали закрепляться. Поэтому здесь квач был оружием редким.

Не каждый граничник его получал, в первую очередь ими старались оснащать таких, как Стефан – бродяжников. Поэтому странно было, что нехристи попросили именно энергоячейки – выходит, что у них был по меньшей мере один

клинок.

– У нас же нет столько? – Стефан снова обратился ко мне.

– Нет. Две штуки только.

– Тогда...

– Они не просят сразу, парень. Они проводят до Глин, тьфу ты, до Малахии, а там мы уже у местных возьмем.

Если дадут, конечно. Вещь, как я уже говорил, редкая и ценная. Такого количества может и не оказаться в небольшой общине.

– Давай поторгуемся, Стефан. Умеешь торговаться?

– Бывал на ярмарках...

В итоге мы смогли сбить цену, озвученную нехристями, до четырех штук. Причем благодаря не моим умениям и опыту, а Стефановым – у него будто бы жилка торговца проснулась. Все равно выходило много, по моему мнению, но отказываться от помощи прекрасно знающих эти места людей я не собирался. Не в ситуации, когда воспитанник сделался ребенком и растерял большую часть снаряжения.

– Договорились. За сколько до Малахии доведете?

– Не загадывай, Страж. Дурная примета, – отозвался Прол. – За столько, сколько потребуется.

– Може, расскажешь, почто за вами демоны увязались? Так нам проще буде...

Угроза, которую нес Золотоголовый своей новой силой, была общей и для Ассамблеи, и для нехристей. Но... не были мы с последними союзниками. Стоит с ними делиться ин-

формацией или не стоит? Я больше склонялся ко второму варианту. И так отношения непростые, да и в епархии по голове за болтливость не погладят.

– Высшему по зубам дали, – ответил Стефан. Причем сделал он это без моей подсказки. Словно почувствовал, что нельзя охотникам говорить об одержимых. – Обиделся.

Прол улыбнулся, но глаза остались серьезными – не поверил. Настаивать, однако, не стал. Покивал – ладно, мол, – и поднялся.

– Тогда с денницей и выдвигаемся.

Я не успел среагировать – просто ничего подобного не предвещало. Стефан неуловимым движением качнулся вперед и тыльной стороной ладони легонько хлопнул Прола по губам. Тот, не ожидая такого, замер в изумлении. Как и Гринь.

– Следи за тем, кого поминаешь! – холодно и очень взрослому молвил Стефан. – Ночью Отца Лжи по имени звать! Ты ему служишь?

Приходское и общинное воспитание во всей красе. Денница – утренняя звезда, как и Люцифер – светonosный. Одно из его имен, которые, впрочем, вполне можно произносить, как днем, так и ночью, – никакой магии тут нет. Но не для выходца из общины, веру Христову почитающего наравне с собственными, порой довольно дикими, воззрениями.

Я велел Стефану заткнуться и начал подбирать аргументы, чтобы сгладить возникшее с союзниками напряжение.

Нельзя к нехристям со своим уставом, никак нельзя!

Но ни слова выдать не успел. Прол пружинисто поднялся и исполнил что-то вроде поклона. Обозначил его, наклонив голову и совсем чуть-чуть – корпус.

– Спасибо за науку, Страж, – искренне произнес он. – Со всем мы с Гринем в лесах одичали, забыли основы.

Стефан серьезно кивнул. Я смотрел на это представление и думал о том, что старость – не состояние тела. Стареть человек начинает с разума. И я, хоть и был лишь копией человека, старел. Так долго был Стражем, так долго ходил наставителем, так глубоко пропитался знаниями Ассамблеи, что стал сквозь них смотреть на тех людей, которых защищал. Считал некоторые вещи настолько очевидными, что и проговаривать их совершенно не имело смысла.

А воспитанник мой, такой же продукт воспитания темной и малограмотной эпохи, на чутье одним подобрал к нехристям ключик.

Старею.

Практически сразу после этого люди стали укладываться спать. До рассвета имелось еще несколько часов, так что стоило их потратить на отдых. Тем более что охотники пообещали с утра задать довольно быстрый темп.

Я же остался на бдении, слушая лес и размышляя. О разном. Например, о том, что было известно Ассамблее о нехристях. В загруженных на мои накопители было довольно много сведений о них, следовало их лишь обновить.

Нехристи, называемые также атеистами, хотя это в корне неверно, не то чтобы не верили в Творца – они отрицали его персонафикацию в виде Святой Троицы. Так-то жить в наше время и игнорировать высшие силы – глупость несусветная. Поэтому нехристи заменили Господа на обезличенный Вселенский разум, демонов назвали пришельцами из иных планов – параллельных миров, наплодили целый воз правил и примет, и в такой системе координат живут себе. А мы потом десятилетиями выколачиваем это из общинников.

Колдовство, вновь пришедшее в мир с открытием Разломов и которое в глазах любого верующего являлось мерзостью, они тоже не делили на доброе и злое. Считали, что оными его делают люди и их намерения. А еще они верили, что Церковь намеренно давит любое проявление магии, поскольку видит в ней угрозу своей власти.

Переубедить свободолюбивых бродяг было невозможно, да никто в Ассамблее такой задачи себе и не ставил. Как правило, они уходили с земель, где власть Церкви была сильна. Земля вновь стала огромной, и места на ней хватало всем.

Остаток ночи прошел без происшествий, и с утренней зарей мы отправились в путь. Шли действительно ходко, дорог и троп избегая. Я периодически сверялся с картами, отмечая, что выбранное направление выдерживается точно. И удивляясь тому, как охотники ориентируются в непролазных лесах. По всему выходило – если ничего нам не помешает, то выйдем к Малахии мы к завтрашнему полудню.

Разговоров нехристи не вели – берегли дыхание. А я, пользуясь относительным спокойствием и безопасностью, просвещал Стефана относительно этой братии. Да и просто развлекал любознательного паренька историями о том, как устроен мир за пределами его общины. Чего время терять?

В частности, рассказал воспитаннику про Синие Глины, куда мы держали путь в данный момент. Поселение это обладало неоднозначным статусом, как и многие другие пограничные общины. С одной стороны – встало под руку Ассамблеи, построило церковь и выплачивало десятину за размещение на территории постоянного поста Стражей, с другой – малахийцы на моления ходили как на именины дальнего и нелюбимого родственника, догматы веры смешивали с собственными суевериями, а граничников считали кем-то вроде охотников.

В общем – фронтир фронтиром. Рассадник вольнодумства, ереси и крамолы. Но важный при этом плацдарм для освобождения окрестных земель из-под власти демонов. Так что приходилось терпеть.

Через пять часов пути охотники предложили сделать привал. Расположились возле каких-то руин – у меня на карте они даже отмечены не были. Может, поселок тут раньше был, может, какое-то производство. Сразу и не поймешь – пара торчащих из земли металлических, проржавевших насквозь ферм да основательные бетонные фундаменты, которые можно обнаружить, если походить по зарослям. Даже

удивительно, что за три века руины не растворились в разросшихся лесах без следа.

Мальчишка впервые увидел памятники прежней цивилизации. Да и где бы ему, ведь его родная община была построена с нуля вдали от древних населенных пунктов. Поэтому он наскоро перекусил и спросил, можно ли ему посмотреть на руины вблизи. Я переадресовал вопрос охотникам и, получив ответ, что ничего опасного там нет, дал свое разрешение.

Скорее всего, это был поселок. Или даже усадьба. Жилье для одной семьи и несколько разбросанных вокруг хозяйственных построек. Согласно архивам, незадолго до Темных веков у людей появилась тенденция к такому вот образу жизни. Вдали от суеты многомиллионных городов, в тишине и окружении близких людей. Возможно даже, это поселение просуществовало какое-то время после Огненного дождя и Открытия Разломов – демонов больше интересовали крупные населенные пункты. Вполне может быть, здешний люд прожил тут несколько лет, откупаясь от новых хозяев жизнями своих близких или пойманными в окрестностях беглецами. Бог им судья, если так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.